

Библиотека потерянных вещей

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

Разрушить мир книжных грез
ради настоящей любви?

Лора Тейлор Нейми

Trendbooks

Лора Тейлор Нейми

Библиотека потерянных вещей

«CLEVER»

2019

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

Нейми Л.

Библиотека потерянных вещей / Л. Нейми — «CLEVER»,
2019 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00154-372-5

Дарси Уэллс привыкла бежать от проблем и скрывать, что ее квартира давно превратилась в склад ненужных вещей, а мама страдает от накопительства, заглушая одиночество постоянными покупками. Ее зыбкий мирок книжных грез рушится в одночасье. Сначала новый домоправитель твердо решает выяснить, что же происходит за вечно закрытыми дверьми ее квартиры. Затем в книжном магазине, где она работает, появляется новый постоянный покупатель – Эшер Флит, любитель триллеров и скорочтения, в которого Дарси влюбляется без памяти. Лишь подержанное издание «Питера Пэна» с комментариями предыдущего владельца помогает Дарси не впадать в отчаяние. Вот бы узнать, кому принадлежала книга...

УДК 82-311.3
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-00154-372-5

© Нейми Л., 2019
© CLEVER, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	31
Глава шестая	38
Глава седьмая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лора Тейлор Нейми

Библиотека потерянных вещей

The Library of Lost Things

© 2019 by Laura Taylor Namey

Все права защищены, включая право на воспроизведение полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A. Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2020

Автор изображения на обложке: STUDIO FIRMA

Изображение использовано с разрешения <https://www.stocksy.com/>

Глава первая

Без приветственного коврика у двери

*...Как ни прикрывай знак, а рана в сердце останется навек.
Натаниэль Готорн, «Алая буква»¹*

Я прочитала достаточно романов и знаю, как они пишутся. В экзотические декорации помещаются убогому персонажи (дополнительные баллы полагаются за подобранных туда же немного странную девушку мечты и небритого плохого парня). В классных книгах сюжетные повороты такие, что по спине бегут мурашки, а интрига проникает прямо в легкие – просто дух захватывает. Я их хорошо знаю, эти романы. Достаточно хорошо для того, чтобы осознать, что попала как раз в такой, и конец мне совсем не нравится.

– Почему Сан-Диего с завидным упорством забывает, что в сентябре должно быть прохладно? – спросила Марисоль, моя лучшая подруга. – Осенью полагается носить сапоги, шарфы и свитера, а не маечки. Тьфу! Сделай что-нибудь.

– У меня, как назло, нет под рукой ни погодной волшебной палочки, ни лампы с джинном.

Слова прозвучали невыразительно. Я смотрела, как маляры, обклеив наш многоквартирный дом липкой лентой, с помощью распылителя красят его в цвет темно-серой грозовой тучи.

– Дарси!

Сморгнув туманные видения и вернувшись к разговору, я улыбнулась ей. А подруга права: солнце плавило воздух, и мы плавились вместе с ним. Нашим столиком в тени внутреннего двора могли пользоваться все жильцы дома номер 316 по Хувер-авеню, но мы с Марисоль проводили здесь больше времени, чем все остальные. Вокруг небольшого возвышения, как ломти дыни, изгибались три скамьи. Мы занимали все три и вываливали свою жизнь на расколовшуюся тут и там мозаичную плитку стола. У меня мы зависали редко – не важно, дома была мама или нет.

Я как раз набрала еще горсть попкорна, когда в дверях квартиры 15В появилась миссис Ньюсом со своим белым пуделем по имени Пичес.

– Четыре часа, – сказала я Марисоль и опустила подбородок.

– Минута в минуту, да и нарядиться не забыла.

По соседке и ее ситцевым домашним платьям мог сверять часы весь комплекс. Пока она запирала дверь, над самой площадкой спикировала птица. И тут я заметила, что Пичес рванулась от хозяйки, волоча поводок к лестнице.

– Миссис Ньюсом, я мигом! – высвобождая ноги из-под скамьи, крикнула я. Поймать Пичес удалось на нижней ступеньке.

– Спасибо тебе, Дарси! – крикнула соседка.

Марисоль в задумчивости взяла у меня тяжело дышавшую собаку и посадила себе на колени.

А я просто сидела и наблюдала за происходящим, уверенная в том, что даже побег собаки не помешает миссис Ньюсом сделать все как обычно. Она неторопливо пересекла двор и, дойдя до моей квартиры, замедлила шаг. Она не хотела бы, чтобы кто-то подумал, будто она что-то там вынюхивает, но все равно, приподняв широкополую шляпу, заглянула в окно нашей квартиры. Вдруг сегодня занавески задернуты неплотно? Вдруг сегодня мама оставила щелку между шторами кухонного окна? Но нет, не сегодня. И никогда.

¹ Перевод Э. Линецкой и Н. Емельяниковой.

Я почесывала Пичес за ухом, хорошо зная, что не только ее хозяйке интересно, что творится у нас в квартире. Почему летом мы никогда не открываем настежь дверь, как это делают другие жильцы? Почему вход в квартиру не такой, как у всех? Никаких горшков с цветами, никакого симпатичного дверного коврика, зато частенько – бурые почтовые коробки.

Марисоль со вздохом почесала одним пальцем пуделя под белым подбородком, и собака ткнулась носом ей в ладонь.

– Мне нужна еще одна собака. Как эта лапочка.

– Ну да. – Я издала короткий смешок, представив себе ее братьев и сестер – а их четверо – и двух немецких овчарок. – Вам как раз в доме живности не хватает.

– Девочки, здравствуйте. – Миссис Ньюсом плюхнулась на сиденье рядом с нами и угостила попкорном, будто ей снова семнадцать и она из нашей компании.

Я придвинула к ней пакет. *Налетайте, тетенька.*

– Ой, правда замечательно? – Миссис Ньюсом махнула рукой через двор в форме подковы на ту часть дома, которая была уже выкрашена в серый цвет. После, забрав наконец у Марисоль свою Пичес, усадила ее на выложенную плиткой скамью. – Сиди здесь. – И вернулась к разговору с нами: – Двадцать четыре года я жила с этим отвратительным зеленым. И неизвестно, как долго еще пришлось бы его терпеть, если бы мистер Ходж не продал наконец дом. – Она теперь смотрела широко раскрытыми глазами. – Всего месяц – и вот уже новая краска. А вы с мамой уже познакомились с Томасом?

– Нет пока.

– Ну, он ужасно приятный. А какой пробивной! Не то что этот никчемный племянник мистера Ходжа, которого тот поставил управляющим. Этот здесь вообще почти не появлялся. – Она жевала попкорн, к морщинистой губе прилипло зернышко. – Уверена, Томас скоро и к вам зайдет. Такой уж он человек. Очень приятный. – Взглянув сначала влево, а потом вправо, она склонилась к нам, как будто собиралась открыть великий секрет. – Он даже дал мне понять, что внутри тоже намечается кое-какой ремонт. Это помимо новых перил, которые установят после покраски. Ну, вы понимаете.

Наверное, у меня на лице было написано, что я ничего не поняла, и миссис Ньюсом выгнула бровь:

– Ты что, объявление не читала? Как же, Томас еще утром бросил всем в почтовые ящики. Я же сказала, он пробивной.

Помахав нам рукой, она повела Пичес на прогулку, а я осталась в воображаемой комнате, откуда постепенно утекал воздух. Вот только на самом деле я сидела на воздухе: вокруг меня – весь кислород планеты. Вытерев потные пальцы о черную футболку, я дотронулась до тетради Марисоль:

– Ты слышала, что она сказала?

– Да ну ее, эту болтушку. Я обычно не вникаю. – Марисоль закинула попкорн между губ цвета фуксии и вернулась к домашке по математике. – Без понятия. Бла-бла-бла Томас. Что-то там перила.

В такие минуты разница между жизнью Марисоль и моей была заметна особенно сильно. Пока подруга раздумывала над тем, на чем позаниматься – на беговой дорожке или на велотренажере – или какого оттенка джинсовая ткань больше подходит к ее тону кораллового цвета, я переживала из-за того, что теперь у нас появился управляющий, который таки занимается своим делом. Возможно, даже слишком усердно для нас с мамой и для нашей квартиры без приветственного дверного коврика.

Чьи-то пальцы коснулись моего плеча. Одним прыжком оказавшись у моей скамьи, Марисоль заняла все мое поле зрения:

– Давай, рассказывай. Ты прямо белая вся стала. И книги опять держишь.

Посмотрев вниз, я поняла, что руками залезла в черную сумку и схватилась за книги. Левая наполовину закрывала заголовок «Дэвида Копперфилда». Пальцы правой обхватили «Алую букву». Классику Диккенса я выпустила, а «Алую букву» прижала к себе.

– Краска – это только начало. Они все узнают. И куда нам тогда идти? – *Маме и мне. Ей и мне. Нам.*

– Краска? В каком смысле?

Но я, Дарси Джейн Уэллс, не отрываясь смотрела на рабочих: один нес откуда-то стремянку, а двое других завешивали кусты тканью, чтобы защитить их от краски. Все трое буравили нас взглядом через двор. Я вздохнула: скоро придется убираться. Но не сейчас. Пока можно посидеть. И потом, разве этому столу страшны пятна краски? Он вытерся и потрескался от времени, да мы и сами внесли вклад в его старение, оставив следы корневого пива и – упс – кляксы красного лака (они появились, когда Марисоль делала нам маникюр). Крошечное сердечко, которое Марисоль много лет назад нарисовала черным маркером «Шарпи», виднелось у края стола. Рядом с сердечком все еще можно было разглядеть пятиконечную звездочку, которую ручкой нацарапала я.

– Дарси, что с тобой?

Я опустила голову и прикусила щеку изнутри.

– Да просто сказка на ночь, по мотивам моей жизни.

– Судя по твоему виду, скорее одна из тех извращенно-страшных сказочек, – заметила Марисоль.

– Ну да. Там у дома номер 316 по Хувер-авеню появляется новый владелец. И новый управляющий, который там же и живет, – сказала я, а потом рассказала сказку до конца.

Как новый управляющий все увидит и захочет все выяснить. Как богатый владелец планирует ремонт, который давно ждали. Как начнут с покраски дома и с установки новых перил вместо ужасных старых, из кованого железа, которые все облупились и шатаются. Как потом, когда наружные работы завершатся, начнут ремонтировать и квартиры. И Томасу надо будет осмотреть каждую из них. А потом придут рабочие...

Замолчав, я взглянула на подругу: мой рассказ и то, что должно было за ним последовать, омрачили ее ясное круглое личико.

– Им придется зайти внутрь, – прошептала она.

– Мы живем здесь десять лет. И мистер Ходж всегда просто так продлевал нам аренду. Ничего не осматривал. Даже по телефону не звонил. – Я сделала большой глоток воды из бутылки, а потом провела прохладным пластиком по лбу. – Кроме нас с мамой в квартиру за последние четыре года заходили только два человека: ты... и Марко.

Марисоль положила руки мне на плечи:

– Только, пожалуйста, не начинай все сначала, ладно? Марко был рад помочь.

Но я все равно начала:

– Да не обязан он мне помогать. – Я говорила хрипло, но голоса не повышала. – Не обязан вечером мчаться в такую даль из-за того, что у меня посудомойка потекла.

– Ладно тебе, от его общаги сюда ехать от силы двадцать минут.

– Да не в езде дело. – Другие жильцы, когда у них барахлит что-то из бытовой техники, звонят в эксплуатационную службу. Мы же сами покупали запчасти (на них едва хватало денег), а брат Марисоль, инженерный гений, звезда Калифорнийского университета в Сан-Диего, все втихаря чинил. Иногда даже втихаря от моей мамы. – Аренда у нас заканчивается через полгода. А когда этот новый чувак Томас явится осматривать нашу квартиру или когда кто-нибудь вроде миссис Ньюсом наконец пронюхает, что творится у нас за закрытой дверью, и разстрезвонит об этом, нам ни за что это жилье больше не сдадут. И хороших рекомендаций в другие места нам тоже не видать. А к бабушке вернуться мы никак не можем. Ни за что.

– Ты как-нибудь выкрутишься.

– Потому что ты так сказала, да?

Марисоль не удастся задрапировать прореху на моей жизни. Из ткани моих будней не сшить идеально сидящего платья.

– Да, потому что я так сказала, – заявила она, как будто это прописная истина.

Та книга – «Алая буква» у меня в руках – была в черной обложке с огромной алой прописной «А» в центре. Мама тоже носит воображаемую букву. Ту, которой пометила себя сама.

– Ей придется захотеть выкрутиться, – возразила я.

Марисоль кивнула:

– Ей лучше, да? Есть ведь маленькое улучшение после того, как вы...

– Маленькое улучшение – это то, что ты видишь сейчас, за той дверью. Но этого недостаточно для того, чтобы продлить аренду. Где я дала с ней осечку? Ответ будто прямо у меня под носом, но я ничего не вижу.

– Да, я знаю, Ди. Я знаю.

Потрепав меня по плечу, Марисоль полезла за своей бирюзовой кожаной сумкой-тоут. Вытащив оттуда несколько упаковок жвачки, она метнула их через весь стол в мою сторону. Два вида мятной, коричневая, клубничная, апельсиновая и классический «бабл-гам». Если Марисоль и любила что-то больше, чем моду, так это жвачка. Возможно, подруга думала, что сможет отвлечь меня своей нелепой одержимостью. Если так, то это вполне в стиле Марисоль – пытаться прикрыть мои муторные переживания яркими фантиками и серебристой фольгой.

Подруга пошуршала упаковкой от коричневой жвачки и вопросительно выгнула брови, но я лишь отмахнулась:

– Не хочу. А ты жвачкой запаслась, чтобы всем жильцам нашего дома хватило?

– Не-не, – промычала она и зачмокала, разжевывая две мятные пластинки до мягкого состояния. – Просто люблю, когда есть выбор. Кроме того, доказано, что со жвачкой лучше думается. – У нее заблестели глаза. – Кстати, насчет подумать. Слово дня. Поехали.

– Сейчас? Но...

– Не понимаю, зачем возражать. Тебе самой не терпится, ты, наверное, уже что-то выбрала.

– Хорошо.

В эту игру мы играли уже много лет. Мне полагалось выдавать слова, чем непонятнее, тем лучше. Хотя Марисоль никогда не называла верного определения, она все равно просила новых слов. Просила и просила.

– Слово дня – «копролалия».

– Копролалия?.. – переспросила она, щелкая жвачкой.

– Нет, копро-ла-ли-я.

Марисоль постаралась придать лицу умное выражение и принялась крутить пальцем возле уха, будто приводя в движение разные механизмы у себя в голове. Да, все это была моя жизнь. Подруга расправила плечи:

– Копролалия. Определение: патология, при которой субъект постоянно роняет мелкие предметы в пространство между сиденьем водителя и центральной консолью. Например, расчески, крышечки от бутылок с водой, резинки для волос.

– Живой пример именно такой патологии – ты сама, но называется это «делать слишком много дел за рулем», а не «копролалия».

Марисоль сморщила нос:

– Ну хорошо, что тогда это такое?

Я обмахивалась одной из книг.

– Непреодолимая тяга к произнесению нецензурной лексики.

– Да ладно!

– Честное слово.

– Уж это я наверняка запомню. – Марисоль с усердием принялась изображать приступ копролалии: над синими и зелеными плитками плыло одно восхитительное ругательство за другим.

Я заплодировала. Она изящно поклонилась:

– Это было круто. А теперь давай-ка почитаем объявление, о котором нам все уши прожужжала любительница халявного попкорна. Куда оно запропастилось? Ты уже проверяла почту?

Я отрицательно покачала головой. Это тоже должна была сделать мама.

– Я схожу. – Марисоль нырнула рукой ко мне в сумку. – Клянусь, если там еще одна книга...

Не обращая внимания на мой подчеркнуто ледяной взгляд, подруга выудила из сумки ключи. Потом Марисоль Роблес в дизайнерских джинсовых шортах направилась к почтовым ящикам, превратив дворик в модный подиум. Она вышагивала, как те модели, которых она мечтала одевать. Каштановые волосы, прошитые солнечными бликами, волнами ниспадали на плечи. Может, она действительно представляла, что идет по подиуму, может, просто дурачилась, но в каждом ее движении чувствовалась музыка. Марисоль будто танцевала самбу.

Глядя на подругу, я не могла, словно в зеркале, не увидеть в ней себя. Рядом с изгибами ее миниатюрной фигурки мои метр семьдесят пять казались еще длиннее. Нет, у высокого роста были и преимущества: можно смотреть поверх голов, доставать с верхних полок предметы, не укорачивать джинсы после покупки. Но временами мне не сразу удавалось правильно расположить в пространстве свои конечности. В общем, Марисоль была как пламя, а я походила сложением на пожарный шест.

С почтой в руках она опустилась на скамью и подтянула колени к подбородку. Отложив в сторону счета (позабочусь о них потом), я сосредоточилась на оранжевом листке с объявлением нового управляющего. Как и сказала миссис Ньюсом, сначала отремонтируют фасад и места общего пользования. Жильцов просили на следующей неделе, когда рабочие будут устанавливать новые блестящие перила, приглядывать за детьми и домашними животными. Держаться будет не за что.

– Как думаешь, они уберут стол? Наш стол? – спросила Марисоль.

Я обвела пальцем ее черное сердечко и свою звездочку на краю стола, где мы сидели. Со временем они немного стерлись, но мы-то знали, где их искать.

– Если уберут, это будет полный отстой.

Она огляделась, вытащила изо рта мятную жвачку и прилепила ее под бетонную столешницу.

– Оставлю о себе память.

Марисоль хихикнула. Я улыбнулась. И мы засмеялись, и смеялись так, что этот смех прожег у меня в горле тоннель и начал биться о ребра.

Мы еще утирали слезы, когда рядом раздался грохот, заставивший нас вздрогнуть. Мы резко подняли головы и посмотрели туда, где находился единственный возможный источник. Разбиться могло что угодно – стекло, мебель, керамика или все разом. И источник звука был вполне конкретный. Мы обе знали: это из моей квартиры.

Нахмурившись, я посмотрела на Марисоль. Мгновение беззаботного смеха уже было в прошлом. Я схватила ключи.

– Жди здесь, – велела я, перекидывая ноги через скамью.

Подруга тоже поднялась:

– Я с тобой.

– Нет.

– Дарси, мне ведь не сложно. Просто помогу.

– Я должна пойти одна. Ну пожалуйста.

– Ладно, – выдохнула Марисоль.

Не касаясь шатающихся перил, я взбежала по ступенькам. Ключ повернулся в замке, отворяя дверь в мир, известный лишь горстке людей. Мир без приветственного коврика у двери.

Глава вторая

Сердце в форме книжки

*– Нет, я не хочу быть никем, кроме себя самой, даже если на всю жизнь останусь без бриллиантового утешения, – объявила Аня.
Люси Мод Монтгомери, «Аня из Зеленых Мезонинов»²*

С тех пор как мне исполнилось шесть, каждый день, входя в квартиру, я испытывала шок. Из-за занавешенных окон комната походила на кадр из черно-белого фильма. В нос бил сильный запах – картона и пластмассы, терпкой резины новых кроссовок. От пыли, которую я не успевала убирать, саднило горло. На этот раз пахло чем-то еще. Утром, когда я уходила в школу, этого запаха не было. Сухой собачий корм? Наверное, порвалась упаковка – вдоль стены их стояло штук пять. Была распродажа с огромными скидками. Не купить было просто нельзя. Только вот собаки у нас не было. Где-то здесь, в этой заваленной хламом пещере, была накопительница. Моя мама.

Щелкнув выключателем, я обошла новейшую партию упаковочных коробок и двинулась вдоль прохода, который психологи называют «козьей тропой». У нас дома было несколько таких «козьих троп» – свободных от хлама дорожек, которые оставляют накопители, – там можно было нормально ходить. Эта вела от входной двери через гостиную и заканчивалась в кухоньке. Мне никогда не удавалось понять, *почему* мама покупала именно то, что покупала. Она просто покупала... и покупала. Мы почти не ели консервов, но у нас было восемь консервных ножей. Мама притащила кучу корзинок и ваз для цветов, которые никогда не собирала. Простынями и остальным постельным бельем можно было застелить двадцать кроватей, но у нас было всего две спальни. Коробки компакт-дисков и фильмов из корзины уцененных товаров... Устаревшие видеокассеты и колонки – в безмолвном доме. Но ведь это же можно когда-нибудь кому-нибудь подарить! Когда-нибудь кому-нибудь это обязательно пригодится.

Я шла мимо ящиков с таким количеством расчесок, фенов и щипцов для завивки, что хватило бы на конкурс красоты «Мисс Америка». Мимо стопок непрочитанных журналов с кулинарными рецептами, которые мама горела желанием испробовать (если бы она готовила!). Я прошла в нескольких сантиметрах от дивана, обитого голубой шерстяной тканью. Мама освободила на нем место для одного человека, может, для двух. Оставшуюся часть дивана занимали разные подушечки и вязаные пледы. У нас был один рабочий телевизор, который можно было смотреть, лишь определенным образом выгнув шею. Только так получалось что-то увидеть из-за гор разных предметов. У стены, как часовые, стояли шесть завернутых в полиэтилен с пупырышками телевизоров. Полки ломились от шнуров, проводов и коробок с канцтоварами. Десятки рамок для фото стояли пустыми.

Я вся сжалась, обнаружив Терезу Уэллс склонившейся над кухонным столом. Она стояла, облокотившись о голубой пластик. Ладонями она подпирала подбородок. Рядом валялась бутылка из-под водки, и содержимое вытекало из длинного горлышка на кремовую плитку пола. Около маминой руки стоял стакан, испачканный красной помадой. Я перевела взгляд на причину грохота и связанной с ним суеты: два стула из столовой опрокинуты, а стопка тарелок высотой с меня, еще утром стоявшая на столе, теперь осколками рассыпалась по полу. Что же произошло?

Вещей было не жалко. Честно. Ведь мама накопила как минимум тридцать фарфоровых сервизов – их хватило бы на грандиозный обед для гостей, которые никогда не приходили.

² Перевод М. Батищевой.

Подойдя к ней, я опустила руки на ее округлые плечи.

– Дарси... прости меня. – Голос ее булькал и хлюпал, как водка, которую она наливала в стакан. Сколько раз наливала? Сколько она выпила?

Говорить я еще не могла. Решила пока усадить маму за стол. Она была длинная и худая, как я, но сдвинуть ее с места было не легче, чем сдвинуть статую. Одной рукой я подняла валявшийся в куче фарфоровых осколков стул и подтянула его к стойке. Усадив маму на него, я заглянула в расфокусированные карие глаза. От выпитого ее умело наложенный макияж растекался в маску клоуна: вокруг глаз пятна, как у енота, – от подводки, помада размазалась, тушь потекла.

Хотя мама иногда пила, она не была настоящей алкоголичкой. Просто, если оставались деньги на выпивку, она частенько перебарщивала. Пройденные сеансы психотерапии и профессиональный анализ давали основания утверждать, что маме не нужна была выпивка сама по себе, как это бывает у настоящих алкоголиков. У мамы не было необходимости регулярно впадать в алкогольное забытие. Она злоупотребляла вещами. И они губили наш дом.

– Я очень сожалею. Дарси, малыш, ты же знаешь.

– Да, знаю.

– Почитай мне, – попросила она, когда я добралась до бутылки из-под водки. – Хоть немного.

Напившись, мама всегда просила меня почитать вслух. Но только напившись. Уже десять лет она воспринимала книги – их вид, ритм повествования, – лишь когда ее мозг был в затуманенном, горячечном состоянии. А ведь английский был маминой специализацией, и это мама научила меня в три года читать.

Книг поблизости не было, ни одной в этой части дома. У мамы на то были свои причины. Но мне, чтобы почитать ей, не нужно было брать книгу в руки. Я знала достаточно всего наизусть для того, чтобы почитать маме вслух. В голове у меня было настоящее хранилище страниц и отрывков.

– Чего бы тебе хотелось сегодня?

– Что-нибудь из «Эммы».

Дарси Джейн Уэллс. Мама часто просила Джейн Остин, а потом, проснувшись поутру с похмельем, вспоминала, что терпеть не может книги.

Я же их обожала. Текст «Эммы» стоял у меня перед глазами, четкий, как на фото. Закрыв глаза, я смотрела на строчки будто через лупу – явление, которого так никто и не смог объяснить. А тем более я сама. С самого детского сада мой мозг был как банк историй. Я читала, читала и запоминала.

Глубоко вздохнув, я стала читать одну из самых моих любимых частей «Эммы». «За разговором они подошли к карете; она стояла наготове, и Эмма рот не успела открыть, как он уже посадил ее туда. Он неверно истолковал чувства, которые не давали ей повернуться к нему лицом, сковывали язык»³. Я нагнулась и подняла второй стул.

– «На себя, одну себя она сердилась, глубокая жалость и стыд владели ею».

Продолжая, я вылила оставшуюся водку в раковину, но пустую бутылку выбрасывать не стала. Мама вспомнит про нее и обязательно спросит. И расстроится, если бутылки не будет. Поэтому я поставила бутылку под раковину, где уже стояли двадцать других, тоже из-под алкоголя, и в голове у меня звучал мамин голос: «Когда-нибудь из них получатся симпатичные вазы для цветов».

Как же подступиться к кошмару с разбитыми тарелками? Вытащив мусорное ведро, я начала с крупных осколков.

³ Здесь и далее данное произведение цитируется в переводе М. Кан.

– «Он уже отошел, – продолжала я, – лошади тронули. Она продолжала смотреть ему в спину, но он не оглянулся, и скоро – казалось, они не ехали, а летели – карета уже была на полпути к подножию, и все осталось позади. Эмму душила невыразимая и почти нескрываемая досада».

Маму стало клонить в сон, веки сомкнулись. Я бросилась и подхватила ее, чтобы она не упала и не поранилась об осколки. Глотая подступающие слезы, я продолжала:

– «Как никогда в жизни, изнемогала она от волнения, сожаления, стыда».

Я убрала с маминого лица влажные пряди волос. Мы походили друг на друга не только сложением: у нас обеих была светлая кожа с розовым подтоном и золотисто-каштановые волосы с красноватым отливом. Не настолько ярким для того, чтобы назвать нас рыжими. Но достаточно заметным: Марисоль считала цвет наших волос необыкновенным и утверждала, что такой оттенок – настоящее цветочное волшебство. Мамины волосы были все одной длины, до подбородка. Я носила градуированную стрижку до плеч. Я никогда не стремилась походить на эту женщину. Но, кроме меня, у нее никого не было – никого, кто уложил бы ее в постель, где она уснет до рассвета.

Мне удалось поднять ее со стула и обхватить одной рукой. Мама была такой тяжелой, что мне казалось, будто я держу несколько человек. Зажмурившись, я шепотом дочитала отрывок из «Эммы» до конца:

– «Его слова потрясли ее. Он сказал правду, отрицать было бесполезно. Она в душе сама это знала».

На заключительных словах я почувствовала, что мне уже не так тяжело. Я резко открыла глаза и с удивлением не только увидела, но и ощутила, что с левой стороны маму поддерживает Марисоль.

* * *

– Надо было макияж ей снять, – сказала Марисоль, когда мы обе уже валялись на моей кровати, лежа на животе.

Дыхание подруги пахло арбузной жвачкой. Десять минут назад мы закончили убираться на кухне и наводить порядок в квартире – ну, насколько это возможно в доме накопителя.

– Никому нельзя пренебрегать уходом за кожей, – добавила подруга.

– Ей сейчас лучше поспать. Подумаешь, один раз обойдется без своего очищающего средства «Чистка и обновление», – возразила я. Марисоль открыла было рот, но промолчала. – А что? Подруга повела плечом:

– Я вот все удивляюсь. Ее внешность... Работа...

– То есть как так вышло, что дом превратился в свалку из-за ее постоянных покупок и при этом она сама не похожа на неряху? – Ну, типа, да.

Это Марисоль верно подметила. Некоторые накопители опускались до такой степени, что даже не соблюдали элементарной личной гигиены. Мама же была стильной накопительницей: животных не подбирала и объедков на кухонной стойке не оставляла. Чтобы постоянно тратить деньги, их надо зарабатывать. Поэтому Тереза Уэллс ежедневно выходила из дома в опрятной модной одежде и шла на работу в универмаг «Мэйсиз», где возглавляла торговое представительство фирмы «Элиза Б. Косметикс». Ухоженные волосы, скулы подчеркнуты румянами «Пылкий пион», на глазах – дымчатые тени. Ни подруги с работы, ни частные клиенты не знали о ее тайне. Им, наверное, такое даже в голову не приходило.

– Ладно хоть не забывает мне домой косметику приносить, – сухо заметила я.

– Иметь – одно, а вот пользоваться – другое.

По мнению Марисоль, привычный мне блеск для губ «Элиза Б.» и тушь для ресниц – это лишь первые тридцать секунд макияжа. Подруга чуть сползла с кровати на пол и залезла в сумку.

– Нам нужен шоколад. Уже целый час, как нужен.

Она вытащила два шоколадно-ореховых батончика с карамелью, которые называла гранолой. С удовольствием взяв один, я разорвала упаковку.

Перед тем как откусить от своего батончика, Марисоль вытащила изо рта арбузную жвачку и прилепила ее на облежавший ее запястье золотой браслет. Подруга купила его, когда это было в моде, и с тех пор носила не снимая. Она часто использовала браслет именно так. Я эту манеру терпеть не могла.

– Казалось бы, со временем я должна была бы привыкнуть к... к... – Я указала на розовый комоч на ее браслете. – Вот к этому.

– Я развернула жвачку, наверное, меньше чем за минуту до того, как решила, что мы проголодались. Тут еще жевать и жевать.

Я откусила от своего карамельного батончика:

– Позволь-ка напомнить тебе о том, что твоя привычка вот так сохранять жвачку обернулась для тебя провалом в глазах одной футбольной звезды, того симпатичного блондина. В девятом классе, помнишь?

Лицо Марисоль медленно расплылось в улыбке. Она шлепнулась на кровать, устремив мечтательный взгляд вверх:

– Броди Робертс. Ох, какой же он был красавец, правда?

– М-да.

Она замурлыкала, и ее воспоминания буквально ожили у меня перед глазами.

– Прямо перед тренировкой, за кортами для ракетбола, где никто вообще не ходит, потому что...

– Никто уже не играет в ракетбол, – хором закончили мы и захохотали.

– Ну так вот, – продолжала она, – у него были льдисто-голубые глаза, он гладил меня по волосам. Стояла ужасная жара, как сегодня, он склонился ко мне, я смутилась. *Dios mio*⁴. Ничего удивительного в том, что я совершенно забыла про те две пластинки «Вишневой романтики».

– Которые ты быстрым движением достала изо рта. Если память мне не изменяет, сделав вид, что убираешь челку с лица? Первокласный маневр: легким движением руки, скользнув по волосам, незаметно перемещаем «Вишневую романтику» изо рта на браслет.

– Чисто было сработано.

– Да, только, дорогая, ты сделала не так, как сделали бы девяносто девять процентов девчонок, когда их пытается поцеловать горячий парень. Они просто бросили бы жвачку на землю.

Смутившись, Марисоль сказала:

– Привычка. Я не подумала. Когда парень с такими данными пытается забраться тебе в горло, про все забываешь. Как же он хорошо целовался! Мозг превращался в желе. Ну, ты сама знаешь. – Она расхохоталась и закрыла лицо одной из вязаных декоративных подушечек.

По правде говоря, я не знала. Поцелуи, попытки забраться в горло, желе вместо мозга – ни о чем таком я не знала. Марисоль знала, что я не знаю, а я знала, что она не хотела меня обидеть, но ее слова все же укололи меня. Подруга много с кем целовалась, и я обо всем этом знала. Я тоже много с кем целовалась. И не раз безнадежно влюблялась – в книги – в сильных, безупречных героев. Я частенько сидела до глубокой ночи с романами в мягкой обложке. Но

⁴ Боже мой (исп.).

настоящих отношений у меня ни разу не было. Слишком много было коробок в моей жизни, они мешали заглянуть за ворота моего замка.

Из-за подушечки показались карие глаза со стрелками.

– Ну не могло это быть из-за жвачки.

– Он больше тебе не писал, – сказала я.

– Причина, скорее, в Хлое Кларк, а не в той жвачке.

– Это как маячок. Нельзя не заметить красную жвачку там, где ее не должно быть. Я-то тебя все равно люблю, а вот он точно обалдел.

– Ну ладно, это могло стать одним из факторов. – Марисоль вскочила. – Пора бы поесть по-настоящему. – Покончив с шоколадом, она вернула жвачку с браслета в рот и схватила мобильник. – Может, написать Брин и чего-нибудь азиатского вместе закажем? Сегодня у нее нет тренировки.

Я пожалала плечами. Мы часто зависали с Брин Хамболдт. Но только не здесь. А соблазн выйти из дому и закончить день где-нибудь еще был сильным.

Марисоль окинула меня взглядом:

– Так, и во что бы такое тебя нарядить?

Я поправила черную майку и бежевые шорты:

– На мне уже есть одежда.

– Не-ет, – сказала Марисоль, медленно мотая головой. – Одно дело одежда, другое – наряд. – Она указала на шкаф. – Возьми джинсовую рубашку, которую я заставила тебя купить, и надень ее сверху, не застегивая, рукава закатай. Маечка у тебя в одном месте рваная.

Я опустила взгляд. Поморщилась.

– Еще надень цепочку с кулоном из голубого камня, которая хранится у тебя в подвесном органайзере, возле черного жакета. И смени вьетнамки на босоножки. Черные, с серебряными пряжками.

– Как же все-таки...

– Столько лет прошло, а ты еще спрашиваешь?

Взмахом руки признав свое поражение, я направилась к шкафу, который Марисоль знала как свои пять пальцев (что немного пугало). Взявшись за ручку, я оглядела свою аккуратно убранную комнату. Мамины завалы остановились у порога моей спальни. Психолог считал это своей заслугой, но я подозревала, что моя комната не была захламлена по другой причине. В комнате были кровать, белый письменный стол из дерева и высокие книжные шкафы, которые почти полностью скрывали бежевые стены. На полках шкафов стояли бесчисленные тома старых маминых книг. Книг, которые я, восьмилетняя, спасла, когда мамино накопительство усугубилось. Спустя долгие годы тоски и ожидания она наконец признала, что отец – книголюб и учитель английского – к ней никогда не вернется.

Когда бабушка Уэллс привела меня из школы домой и я увидела, как мама складывает книги в ящики, я, прижав к груди свою любимую «Аню из Зеленых Мезонинов», стала умолять ее не выбрасывать их. Мама смирившись, но при одном условии: книги останутся в моей комнате. Теперь она почти не заходила ко мне в спальню, где я отдыхала среди тысячи историй. Я знала, что им можно доверять, потому что слова в этих книгах не изменятся, сколько ни перечитывай главы.

Я закрыла шкаф, так и не взяв ни джинсовой рубашки, ни цепочки с голубым камнем. Книги манили, к ним меня тянуло сильнее, чем к одежде, с ними было комфортнее, чем с шерстью или с хлопком. С ближайшей полки я взяла тот самый экземпляр «Ани из Зеленых Мезонинов» с ее выгоревшей обложкой цвета мяты.

Марисоль поняла:

– Ты решила никуда не ходить, да?

– Марисоль... – Я села на краешек постели. Вспомнив о серой краске, я задумалась о том, как мне дальше скрывать свою жизнь и спасти мамину. Я не могла просто подбежать к маме и сказать ей, чтобы навела порядок и перестала покупать все подряд. С ее расстройством это было невозможно. Просто упомяни я накопительство не вовремя – и вот мама уже бежит за покупками. Почувствовав угрозу, она заваливала квартиру вещами, а молоко и хлеб купить забывала. Не оплачивала скопившиеся счета. Потом маме за все это становилось стыдно, и она покупала еще что-нибудь, чтобы унять стыд – и снова устыдиться. Это был замкнутый круг. Мы жили как на вулкане.

Я уже было привыкла к вулкану, но теперь у меня в голове затикали часы. Из-за нашего договора аренды мне нужно было найти какое-то неочевидное решение проблемы. За оставшийся до моего восемнадцатилетия месяц миссис Ньюсом и Томас вполне могли увидеть лишнее и позвонить в органы опеки и попечительства. И тогда... Расследование. И, возможно, расставание. Наша с мамой история так ни в коем случае закончиться не могла. Сегодня в окружающих меня книгах я видела только финалы (иногда даже счастливые), каких жизнь мне гарантировать не могла.

– В следующий раз – обязательно. А сегодня я просто...

– Понятно. – Марисоль устроилась рядом со мной и вытянула ноги так, что они свесились с кровати. – Тебе нужна Аня.

Я вздохнула:

– Но тебя я всегда буду любить больше всех.

– Всегда – это «всегда». – Подруга улыбнулась. – Дарси с лицом в форме сердечка. – Она ткнула меня пальцем в грудь. – И с сердечком в форме книжки.

Глава третья

Начало середины

Мне теперь трудно назвать определенный час, или место, или взгляд, или слово, когда был сделан первый шаг. Слишком это было давно. И я понял, что со мной происходит, только тогда, когда был уже на середине пути.

Джейн Остин, «Гордость и предубеждение»⁵

На следующий день я пришла на работу, зайдя из переулка через металлическую дверь. Нет, я не опоздала, просто за углом книжного под названием «Желтое перо» освободилось место на парковке, так что зевать не пришлось. Жуткая тишина и едва уловимый затхлый запах сопровождали меня, пока я шла по складу в убывающем свете дня. Я заглянула в обшитый панелями кабинет мистера Уинстона, там было пусто. Не было слышно ни шагов покупателей, ни звонких детских голосов из отдела книжек с картинками. Я впихнула свою карточку в контрольные часы, такие же древние, как и все, что нравилось мистеру Уинстону. Работник у него был один – я. Тем не менее он настаивал на том, чтобы каждую смену я пробивала время на карточке.

Всякий раз, входя в торговый зал «Желтого пера», я словно попадала в прошлое. Все было теплым и знакомым – такой магазин можно было скорее увидеть на вымощенной брусчаткой парижской улице, а не в Сан-Диего, в районе под названием Северный Парк. Хорошо организованное собрание томов, состоящих из слов, отпечатанных типографской краской. Полная противоположность хаотичной помойке у меня дома. Единственной загвоздкой был босс, но я умела с ним обращаться. Сегодня он поставил свой любимый альбом Тони Беннетта, и музыка тихонько играла через верхние динамики. В задней части зала располагалась стойка с кассой, предназначавшаяся для торговых операций и для моей домашней работы – мне разрешалось делать ее, когда не было покупателей. На выдавшем виды дубовом полу лежали разномастные персидские ковры. Вместо ламп дневного света мерцали люстры из итальянского стекла. На массивных, затертых за долгие годы использования столах с когтистыми лапами лежали новые поступления. В передней части зала стояли два вольтеровских кресла винного цвета и кофейный столик, сделанный из дорожного сундука. Это было что-то вроде зоны отдыха, но я не знала, зачем Уинстон вообще ее устроил. В глубине души он любил, когда покупатели, заплатив за покупку, как можно скорее убирались восвояси.

Я посмотрела возле компьютера, одной из немногих разрешенных хозяином современных вещей. Кроме меня, компьютером никто не пользовался. Обычно мистер Уинстон оставлял мне список «Дела для Дарси». Например, такой: 1) распечатать еще рекламных листовок; 2) привести в порядок отдел книг для подростков; 3) заказать 20 копий книги о новомодной диете; 4) выяснить название книги о новомодной диете.

Сегодня Уинстон списка не оставил. Ничто не могло отвлечь меня от мыслей о *шести* месяцах. Об аренде и мамином утреннем похмелье. Я была на работе, на своем любимом месте, но вчерашний день все крутился в голове, как навязчивая мелодия.

В сумке звякнул мобильник. Наверняка это сообщение от Марисоль. Уинстона все еще не было видно, и я достала телефон.

Марисоль: Мама приглашает тебя в субботу к нам. Небольшой ужин.

Я: Что значит «небольшой»?

⁵ Перевод И. Маршака.

Она: Только члены семьи.

Я: Что значит «только члены семьи»?

Она: Как обычно, все те же.

Марисоль могла иметь в виду как свою семью из семи человек, так и весь клан Роблес, вместе с его мексиканской частью, для которой на лужайке раскладывали два дополнительных стола.

Я: Я приду.

Она: Круто.

Кажется, у меня появились планы на субботу. Включив ноутбук, чтобы заняться домашней, я прошла в переднюю часть зала и, выглянув в витринное окно, увидела босса. Он стоял на тротуаре рядом с Тэсс, скрестив руки на груди. Он всегда так делал, когда разговаривал с бывшей женой. Оксфордская рубашка в полоску и твидовая кепка еле держались на его длинной тощей фигуре – тоже все как обычно, даже при двадцати шести градусах жары ничего не менялось. Тут они попрощались.

– Привет, мисс Дарси-дива! – крикнула Тэсс – ее громкий голос с металлическими нотками сквозь стекло звучал приглушенно – и радостно помахала мне. Я помахала ей в ответ. Сегодня ниспадавшие ей на плечи волосы были оттенка платиновый блонд. Кто знает, какой парик она выберет завтра? Я работала здесь уже два года, но никогда не видела ее настоящих волос.

Небезосновательное предположение: Уинстон, скорее всего, их видел, хотя женаты они были лишь год (и это был грустный год) и развелись больше тридцати лет назад. Во время раздела имущества ни одна из сторон не захотела уступить находившееся в совместном владении историческое здание в Северном Парке. И было принято решение сделать из номера 386 по Юнивёрсити-авеню два магазина. Справа – книжный «Желтое перо», слева – «Империя первокласных париков».

Колокольчик звякнул – Уинстон ворвался в помещение. Я сделала вид, что очень занята: взбила вышитые подушечки на креслах, а потом повернула растения в больших цветочных горшках к свету.

– Гхм! – фыркнул Уинстон и молча кивнул мне. О, да он в отличном настроении.

– Добрый день, мистер Уинстон. – Я устроилась за стойкой.

Приблизившись к сводчатому коридору, ведущему в кабинет, он остановился у старинного полотна. Это был написанный маслом портрет писца восемнадцатого столетия, в руке он держал перо с желтым кончиком.

– Добрым он был бы, если бы эта женщина из соседнего магазина вовремя подготовила свой отчет о расходах. Бухгалтеры не любят, когда их заставляют ждать.

Уинстон снял кепку и провел короткими пальцами по влажным от пота волосам. Когда-то они были светлыми, а теперь поседели и стали темно-серыми. Под цвет волос были и усы, они потемнели за годы курения, да такими и остались навсегда, хотя курить он бросил прошлой весной. Весело было здесь у нас в прошлом апреле.

– Конечно, не любят. Ох уж эти бухгалтеры.

Босс издал низкий, скрипучий звук.

– Дарси, не взрослей. Если можешь, конечно. – Уинстон сердито выдохнул и скрылся в кабинете, хлопнув дверью.

Я же никак не могла отделаться от его слов. Они будто прилипли к коже и раздражали ее до чесотки. Не взрослей?

Я вцепилась руками в край потертой стойки. Весь день мой мозг переключался с беспощадных воспоминаний на полное забвение. Туда и обратно. Сейчас он остановился на сцене, которая произошла у меня в квартире в 7:30 утра, когда я пыталась быть обыкновенной учени-

цей выпускного класса старшей школы Томаса Джефферсона. Просто пыталась позавтракать. И теперь у меня перед глазами стояла мама, ее волосы, забранные назад одной из двадцати имевшихся у нее эластичных повязок, и мамин недоуменный взгляд, который она бросила на кухонную стойку.

– Что-то не так, – сказала мама, глотнув сваренного мной кофе. – Погоди-ка, а где тарелки «Уильямс-Сонома»?

Я резко развернулась, не выпуская из рук тоста с арахисовой пастой. Как мама все замечает?

– Это те, которые ты разбила? И которые мне пришлось убирать, пока ты спала?

Мамино припухшее, но накрашенное по всем правилам лицо стало белым как мел. Вот оно, мгновение, когда она вспомнила. Возможно, не все, но достаточно, чтобы сказать:

– Ох. Дарси, я...

Я тяжело вздохнула.

– Что сделано, то сделано. Не надо об этом, ладно? – Я придвинула к ней стопку счетов. – Вчерашние. Страховка машины. Мобильник. Одна из твоих кредиток. – Лимит, несомненно, превышен.

– Да, конечно. – Еще глоток кофе, глаза в телефон.

– Мам?

– Секунду, дружок. Распродажа жеодовых подставок под стаканы, это «Крейт-энд-Баррел». Пока не все распроданы, мне надо...

– Мам! – *Прекрати. Вспомни, что сказал психолог. Не теряй самообладания. Никаких эмоций. Простые предложения.* Я отобрала у нее телефон и посмотрела ей в глаза. – Послушай, пожалуйста. Сначала оплати счета. Ты не сможешь прожить без телефона и без страховки на машину. И задолженность по кредитке погаси. Хотя бы часть, хорошо?

– Да. Сегодня же.

Сколько раз я уже это слышала? Но из-за аренды нам с ней нужно было начать осторожно двигаться вперед. Мой мозг нашел лазейку в мир книг. Главы и сцены вертелись в голове, как адресная картотека «Ролодекс»⁶, пока я не припомнила хитрость одной секретарши, которую та использовала со своим взбалмошным начальником, частным детективом. Глубоко вздохнув, я сказала:

– Давай так. Ты, когда оплатишь, напиши мне, а? Может, так тебе будет легче не сбиться с пути.

Мама перевела взгляд на мобильник, на котором я уже успела закрыть все приложения.

– Ой. – Она нахмурила брови. – Хорошо. Думаю, я с этим справлюсь.

И вот уже нечетким эхом звучит голос босса. *Дарси, не взрослей.* Поздно, Уинстон. Уже поздно.

* * *

– Дарси. Мисс Уэллс!

Я вздрогнула и подняла глаза. Уинстон барабанил по стойке пальцами.

– Наверное, опять замечталась. Боже. – Он навел на меня грозный взгляд. – Я уже три раза тебя звал.

– Ой, простите. – Я помотала головой, чтобы мысли прояснились, и закрыла ноутбук. – Просто дел много. Проблема с... э-э-э... домашней работой. – От мелкого вранья сердце заколотилось в груди.

⁶ Вращающийся каталог с карточками для хранения контактной информации.

– Хм-м. – Он бросил передо мной два конверта. – Мелочный адвокат прислал *ее* бумаги сюда вместе с моими. Как всегда! Будто не мог отправить ей домой.

Он ушел, а я мысленно закатила глаза. Не нужно было говорить мне, что делать с бумагами. Видимо, пять шагов от двери «Желтого пера» до почтового ящика Тэсс – это для Уинстона жуть как далеко.

Я решила сделать даже лучше: не просто бросить в ящик, а зайти в «Империю перво-классных париков» и отдать конверты лично Тэсс. Она мне нравилась, и во время перерывов я даже ходила поболтать в «Парики», подальше от Уинстона. Тэсс обожала возиться с моими волосами: прикалывала то накладные пряди, то блестящие заколки – и обязательно заваривала зеленый чай, я его не любила, но все равно пила. Я открыла дверь в салон Тэсс, и меня оглушило жужжание дрели, вступившей в схватку с упрямой стеной из гипсокартона. Я огляделась, но Тэсс не было. Был только Эшер Флит, недавний выпускник старшей школы Джефферсона.

Эшера я почти не знала. Мы никогда не дружили, и общих занятий у нас не было. Но я знала о нем – все самое примечательное и плохое. Это в Джефферсоне знали все.

– Старая рухлядь! – перекрикивая грохот дрели, взревел Эшер.

Он в бешенстве выдернул металлическое сверло из патрона и сочно выругался. Порывшись в стоявшем рядом ящике, он достал новое сверло, вставил в патрон и снова взялся за дело. Ничего себе. Меня он так и не заметил.

Я не видела его с мая, когда все в школе узнали, что он попал в страшную автомобильную аварию. Кто бы мог подумать, что единственный во всей школе Джефферсона ученик с лицензией летчика едва выживет в катастрофе, причем не во время одиночного полета на отцовском самолете, а просто сев за руль и отправившись на встречу с другом? Про последующие события я знала немного, только то, что Эшер окончил последний класс на больничной койке. Он не был ни на выпускном балу, ни на церемонии в Диснейленде, ни на торжественном вручении аттестатов. Все это он пропустил.

К счастью, шум наконец утих. Парень швырнул дрель на прилавок Тэсс и приложил пальцы к вискам. Он был другой, не такой, каким я его помнила. Рассматривая его профиль, я заметила скулы и резко очерченную квадратную челюсть. Волосы холодного каштанового оттенка отросли длиннее обычного и теперь курчавились над воротником.

Когда Эшер повернулся, я выдвинулась вперед и раскрыла глаза пошире. Он посмотрел сквозь меня на коробку с металлическими заклепками. Как это? Я меньше чем в пяти метрах от него, а он меня не замечает?

– Привет, – сказала я и сделала шаг вперед.

Эшер дернулся всем телом, но уголки губ, хмуро опущенные вниз, остались на месте.

– Ой. Я подумал, что ты еще одна голова. – Ни тени улыбки. Эшер опять отвернулся.

Что? Мои воспоминания об Эшере были отрывочными, но грубости в них не было. От удивления я разинула рот, мой взгляд метался по залу, как колибри. А ведь правда: повсюду были головы. Вдоль стен тянулись целые полки бюстов – женские и мужские манекены. Выглядело жутковато, будто стоишь посреди стадиона. Но я уже привыкла к сотням устремленных вперед глаз без туловищ. Просто неподвижные шеи и головы, увенчанные париками самых разных цветов (там были и просто очень яркие, и даже неоновые цвета), любой длины и любого стиля.

Но я-то была не из пластика. Кожа, плоть, кости и бьющееся сердце, голубой топ и укороченные джинсы скинни, которые выбрала для меня Марисоль. Парни никогда не замечали мои метр семьдесят пять, ничего нового в этом не было. Но манекен? Еще одна голова? Слова и интонация, с которой они были сказаны, обожгли меня, надо было ответить.

Эшер потер лоб костяшками пальцев. На лице по-прежнему мрачная ухмылка – такая могла бы быть у мистера Дарси из «Гордости и предубеждения» Джейн Остин. Этого героя я рисовала в воображении десятки раз. Раньше это была мамина любимая книга.

Дарси Джейн Уэллс.

С мальчиками я никогда особо не общалась. Не знала, как устроен их мозг, странный, как кубик Рубика. Не знала, как устроено их тело. Я хорошо владела языком, но моя игра слов никогда не находила отклика у противоположного пола. К тому же я так и не смогла овладеть искусством отвечать парням. Зато весь необходимый мне опыт содержался в книгах. Если Эшер Флит собирался вести себя как Фицуильям Дарси, то и мне можно было обратиться к литературе. Мальчик с едкими словами и надменным, непроницаемым взглядом? Я понятия не имела, что делать. А как бы поступила с ним героиня книги Джейн Остин, Элизабет Беннет? Пролетав в уме страницы и примерив персонаж на себя, я нашла ответ.

Я изменила позу – выпрямила спину, расправила плечи, прищурилась, мои губы вытянулись в тонкую линию. Я решительно сделала три шага вперед, как бы пресекая грубость Эшера, и сказала:

– Слушай, мне нужно вернуться к работе. Тэсс на месте или нет?

Его настрой немного смягчился. Я поняла, что он меня узнал. Но сама не выдала того, что тоже его узнала.

– Она вышла. Кажется, за круассаном в ту новую булочную, которая чуть дальше по нашей улице. – Эшер положил локти на стойку. По его загорелым рукам дорогами бежали вены.

Это была маленькая победа. Но жар пылал под кожей и собирался на щеках. Я положила конверты возле кассы:

– Скажи ей, что это Дарси принесла. Они важные, так что не забудь про них и ничего не потеряй. – Уже коснувшись рукой двери, я повернулась к Эшеру, ведь Элизабет Беннет, если уж на то пошло, была элегантна и вежлива. – Спасибо.

Оказавшись в пустом «Желтом пере», я почувствовала, как быстро стучит сердце. Ладони вспотели. И все из-за двух минут с мальчиком. С Эшером – он для меня ничего не значит – Флитом. Что со мной не так?

В кармане завибрировал мобильник. Я открыла сообщение, надеясь на то, что это мама пишет об оплате счетов. Но нет. Разве не пора уже мне оставить надежду? Сообщение отправила Марисоль, это было очередное ее SOS-послание, и я обрадовалась возможности отвлечься как утешительному призу.

Она: Помогите! Я в заложниках у пары коротышек, пристрастившихся к соку в коробочках.

Я не смогла сдержатъ смех. Ее брат с сестрой, близняшки-четыrehлетки, были настоящим стихийным бедствием.

Я: Сочувствую! Видела Эшера Флита, что-то чинит в салоне Тэсс. Заносчивый такой.

Она: Что?

Я: Я серьезно. А все-таки, почему он здесь? Уинстона не спросишь.

Она: Еще бы. Так спроси Эшера.

Я: Повторяю. Заносчивый он.

Она: Подожди, пожалуйста. Узнаю подробности

Мне нужно было чем-то занять руки, и я взялась за книги. То, что Эшер Флит вешает полки в магазине париков, было ужасно странно. И я направилась в отдел научной фантастики. Расставляла, выравнивала корешки, ждала...

Динь, динь. Что, уже Марисоль?

Она: Юридический центр через дорогу.

Я выглянула из-за полки и посмотрела в большое окно: кирпичное здание на другой стороне Юниверсити-авеню принадлежало компании «Юристы Мид-Сити».

Я: Что за место?

Она: Эш только что начал там какой-то строительный проект. Его дядя – юрист в той компании.

Бинго. Видимо, его дядей был Майкл Флит, он часто заходил в «Желтое перо». Тэсс, наверное, тоже знала Майкла и попросила помощи у его племянника, мастера работать руками и бросать пристальные взгляды.

Я: Ты все это узнала за две минуты?

Она: Ты смешная, Ди. Близнецы – как занозы в заднице, я побежала.

Пока Марисоль возилась с малышами Карлосом и Камиллой, я перешла из научной фантастики в отдел тайн и загадок. Мне казалось, что я должна воздать должное доблестному сыщику Марисоль Роблес. К тому же меня не покидало странное чувство. Мне казалось, что это была не последняя моя встреча с Эшером Флитом.

Глава четвертая

Весь мой мир

*Мир – театр;
В нем женщины, мужчины, все – актеры;
У каждого есть вход и выход свой.
И человек один и тот же роли
Различные играет...*

Уильям Шекспир, «Как вам это понравится»⁷

Бабушка все испортила. Целых два дня мне удавалось избегать нового управляющего. Каждый раз, когда Томас к нам стучался, я делала вид, что меня нет дома, а сама незаметно подглядывала в окно, пока он, сдавшись, не уходил. Покидала квартиру я буквально бегом, чтобы сразу исчезнуть в темноте. Слетала вниз по лестнице без перил и заскакивала в свою голубую «хонду-цивик». Здесь можно было отдышаться. Так продолжалось до того самого утра, когда бабушка решила впервые воспользоваться одной современной технологией.

У бабушки Уэллс был мобильник, но сообщений она никогда не писала. Вообще никогда. Считала, что это некультурно, и говорила, что все важные темы требуют живого общения, пусть и по телефону. Но в то утро ее имя, звякнув, появилось на экране моего мобильного как раз тогда, когда я собралась идти в школу. От удивления забыв все предосторожности, я остановилась в дверях и стала читать.

Бабушка Уэллс: *Не могла бы ты прийти ко мне на ужин?*

У меня сохранились лишь скудные обрывки воспоминаний о последней встрече с ней. С одной стороны, это было совсем недавно, с другой – очень давно. Вопрос скорее в другом: *должна* ли я идти к ней на ужин?

Именно в этот момент Томас и материализовался, словно телепортировался из страны Нигде. Прямо передо мной выросла его фигура с бледным лицом. Он был похож на хорька – нет, на суриката.

– Ты Дарси Уэллс, да? Есть минутка?

Вот тут нельзя не сказать спасибо моему огромному росту, потому что глаза Томаса запрыгали из стороны в сторону – он пытался заглянуть мне за спину. Неужели миссис Ньюсом или кто-то еще из жильцов рассказали про нас что-то подозрительное? Я с такой силой захлопнула за собой дверь, что стены задрожали.

– Э-э, доброе утро, – пропищала я.

Мобильник снова звякнул.

Бабушка Уэллс: *Почему ты не отвечаешь?*

Серьезно? Да она же только что освоила сообщения. Как это у нее получается так быстро их писать?

Насупив кустистые брови, Томас скрестил руки на груди:

– Я пытался встретиться со всеми жильцами. Но твою маму ни разу дома не застал. – И хотя дверь была закрыта, он потянулся вверх в своих громоздких коричневых мокасинах, будто надеясь, что через глазок у нас в двери видно в обе стороны. – Понимаю, что рано, но сейчас она дома?

Конечно, она сейчас как раз судорожно ищет место, куда можно было бы пристроить доставленные нам вчера четыре набора жеодовых подставок «Крейт-энд-Баррел».

⁷ Здесь и далее данное произведение цитируется в переводе П. Вейнберга.

– Она спит. Работала допоздна. Была вечерняя смена, – объяснила я, надеясь, что Томасу не откроется правда, которую я оставляла за этой дверью каждый день. В этой роли – роли вруньи – мне уже стало слишком комфортно.

– Странно. Миссис Ньюсом сказала – так, между делом, – что твоя мама – продавец косметики в «Мэйсиз».

Ну конечно, она про это рассказала.

– Она менеджер, и иногда у нее бывает по две смены подряд. Кроме того, в свободное время она работает на свадьбах и на фотосъемках. Поэтому, когда мама дома, она старается больше отдыхать.

А еще покупает всякую всячину и переставляет все с места на место. Постоянно. А также забывает оплачивать счета.

Опять звякнуло.

Бабушка Уэллс: *Нет, почему так долго? Мне нужно с тобой поговорить. Это важно. Так ждать на ужин или нет?*

Я постаралась сделать вид, что мне действительно неловко:

– Одну секундочку. – Я отправила ответ и снова взглянула на суриката-управляющего. – Мне надо в школу, так что...

– Я бы хотел рассказать твоей маме об изменениях, которые мы запланировали. – Томас шагнул вперед, хотя в этом не было необходимости.

У меня по спине побежали мурашки.

– И мы так этому рады! Давайте я попрошу ее как можно скорее зайти к вам, чтобы вам ее не искать.

Шумный оскорбленный выдох.

– Дело в том, что я бы...

Но я уже пятилась прочь:

– Мне правда надо бежать. Скоро звонок. Хорошего вам дня.

Аренда. Шесть месяцев. Как мне уследить за каждым своим движением в эти дни, а самое главное – и это в шесть раз важнее, – как найти способ добиться от мамы хоть какого-то улучшения, чтобы не потерять ее окончательно? А тут еще бабушка. Я понятия не имела, что ей было от меня нужно и что наконец сподвигло ее на сообщения. Но сейчас не время переживать об этом. День и так напряженный – куча уроков. А еще мой собственный ворох тревог.

* * *

После занятий, пока я возилась в шкафчике в Джефферсоне, баритон за моей спиной произнес:

– «Затем он воин, обросший бородой, как леопард, наполненный ругательствами, честью ревниво дорожащий и задорный. За мыльным славя пузырем готовый...»

Схватив тетрадь, я повернулась на голос. По иронии судьбы второе место по любви к литературе во всей старшей школе Джефферсона было не у школьника, изучавшего английский по углубленной программе, как я, и даже не у одного из учителей английского. Эту славу снискал мистер Пенн, наш старший вахтер. С широко раскрытыми от нетерпения глазами он ждал развязки: выдержу ли я испытание, закончу ли цитату?

– Ну что же вы, мистер Пенн? Если уж хотите меня озадачить, то выбрали бы что-нибудь потруднее одного из самых известных монологов Шекспира.

Он хмыкнул. Это был крепкий, крупный мужчина, одетый в оливковый комбинезон с короткими рукавами. Мощные руки мистера Пенна покрывали татуировки. Его седые волосы стального оттенка были по-военному коротко острижены, а на румяном загорелом лице топорщилась щетина.

– Мисс Уэллс, это пустой треп. Цитату вы так и не закончили. – Он закрыл дверь в подсобку и цокнул языком.

– Да ладно, – усмехнулась я. – Смотрите: «...честью ревниво дорожащий и задорный. За мыльным славы пузырем готовый... влезть в самое орудия жерло...»

Сморщив нос, мистер Пенн щелкнул пальцами:

– Источник?

– «Как вам это понравится».

– Надо отдать вам должное. За все годы вы ни разу не ошиблись.

Это было правдой, но я все равно добавила:

– До выпуска еще полно времени.

Подмигнув мне, мистер Пенн ушел, и его удаляющаяся фигура на полсекунды заняла все поле моего зрения, а потом ее сменила выворотная балетная походка Брин Хамболдт. Она подплыла ко мне, вся из мышц, с идеальной осанкой, и остановилась рядом, поставив ступни в первую позицию.

– Почему бы тебе не переехать в шкафчик в коридоре для выпускников, как сделали все мы? Тогда мне не пришлось бы переться так далеко, чтобы спросить тебя про пятницу, – начала Брин. – Даже твоя мексиканско-кубинская сестра-близнец туда переехала.

Я закатила глаза. Честно говоря, с Брин мы были не то друзья, не то полудрузья-полувраги. Если совсем честно, она дружила с Марисоль, и я дружила с Марисоль. Три года назад из-за этого у нас образовалось что-то вроде периодической тусовочной связки, которая не нарушилась. Пока.

– Прости. – Я похлопала по дверце верного шкафчика. – Я годы потратила на то, чтобы привыкнуть к этому замку.

Иногда хочется, чтобы рядом было то, что хорошо знаешь. Это как с мамиными старыми книгами и со столом с мозаичной плиткой во дворе нашего дома. Это особенно важно, когда твоя жизнь состоит из «этого еще не хватало» и «что там опять».

– Так вот, насчет пятницы. Моя ежегодная взрывная туса перед «Щелкунчиком». Придешь? Ты не ответила ни на одно из моих сообщений.

Дыша корицей, подошла Марисоль. Звеня браслетами, она обхватила нас с Брин руками, устроив групповые обнимашки.

– Конечно, она придет, моя маленькая книгопедия. И это значит, что у нее – ах! – есть планы и на пятницу, и на субботу. – Широкая улыбка и щелчок жвачки в мою сторону.

Почему-то подтрунивания Марисоль меня веселили.

– На какую партию ты пробуешься? – спросила я, вспомнив о том, что отключила звук у мобильного после бабушкиного текстового вторжения в мою жизнь.

Лицо Брин смягчилось, даже приобрело мечтательное выражение. Мы видели ее в «Щелкунчике» много раз. Три года назад, когда Брин танцевала партию Клары, с нами ходила даже моя мама.

– Пробуюсь на «Китайский танец», на «Снегурочку» и на «Вальс цветов» тоже. Одни костюмы чего стоят! Со следующей недели начинаются просмотры. А это означает только одно.

Означало это, что Брин, которая уже занималась в балетной студии пять дней в неделю, теперь станет проводить там еще больше времени из-за ежегодного балетного сезона. И зная, что времени на друзей у нее в ближайшие месяцы не будет, она каждый год закатывала грандиозную вечеринку.

– В пятницу, в шесть, южный Мишн-Бич, у причала. Дарси, можешь прийти не одна, – удаляясь, добавила Брин. – С настоящим парнем, а не из какой-нибудь книжки.

Нервно сглотнув, я уставилась на свои кроссовки. Марисоль коснулась моего плеча:

– Пожалуйста, не обращай на нее внимания. У Брин в голове сейчас лишь розовый тюль и атлас.

Я пожала плечами и покорно улыбнулась, и она спросила:

– Ты сейчас в «Перо»?

– Я сегодня не работаю.

– Отлично. Тогда пойдем со мной. Ты мне нужна. – Взяв меня под локоть, Марисоль повела меня по коридору.

– С тобой – куда?

Оказалось, в первый ряд зрительного зала. Мы пришли как раз к началу репетиции пьесы «Много шума из ничего». Члены команды и актеры с текстами ролей в руках носились туда-сюда, некоторые крутились возле миссис Ховард, директрисы Джефферсона, бывшей актрисы, высокой, как небоскреб, и изящной, с перетянутыми красочным шарфом афрокудряшками.

– Зачем я здесь? – поинтересовалась я.

Марисоль фыркнула:

– Будешь мне подсказывать. Как обычно.

– Но...

– Рисовать костюмы обеих героинь – это грандиозно. Я бы хотела впитать в себя сам дух пьесы, чтобы уловить верный облик и Геро, и Беатриче. А ведь Шекспира никто лучше тебя не знает. Буквально никто. – Достав блокнот на пружинке, она ярко-розовой ручкой указала на сцену. – Посмотри, декорации уже готовы, и они великолепны.

Да, это было именно так. Действие происходило в саду итальянской виллы, по бокам каменного дворика высились кипарисы. Плотники соорудили три увитые цветами арки, чтобы неверным персонажам было где укрыться, пока они подслушивают и плетут интриги. К заднику крепился прозрачный занавес, который менял цвет, имитируя наступление дня или ночи.

Актеры начали репетировать сцену из первого акта, их голоса эхом разносились в пустом зале.

– Кроме того, ты только посмотри, кто играет Бенедикта, – продолжала Марисоль. Миссис Ховард заняла место в нашем ряду, и подруге пришлось понизить голос. – Согласись, неплохо проводить время, наблюдая за носящимся по сцене Джейсом, а?

Как было не согласиться? Джейс Доннелли был очевидной кандидатурой на главную мужскую роль – Бенедикта. Все указывало на то, что талант и голливудская внешность после выпускного приведут этого парня прямиком в киношколу или на сцену Бродвея.

Миссис Ховард, слегка повысив голос, обратилась к актерам:

– Джейс, Алисса, добавьте-ка в ваши перепалки дерзости. Алисса, ты должна передать натянутость между Беатриче и Бенедиктом. Мы еще к этому вернемся. Давайте займемся вторым актом, тоже с первой сцены.

Стройная блондинка, игравшая Беатриче, кивнув, принялась изучать распечатку роли и совещаться с Джейсом. Миссис Ховард направилась к ним, на ходу собирая остальных актеров для следующего акта. Рабочие сцены вытащили в центр фонтан из искусственного камня.

Марисоль отбивала ручкой по блокноту стаккато.

– Бюджет на костюмы небольшой, но я хочу, чтобы у Беатриче и Геро было не по одному наряду. Может, сделать для каждой героини основное платье, поверх которого можно будет что-то надеть – бархатные курточки, кружевные накидки и...

Марисоль продолжала, но я слушала вполуха. А потом мое внимание привлекла рослая мужская фигура, показавшаяся из боковой двери.

– Меня здесь нет. – Застегнув молнию на черно-белом полосатом худи, я попыталась вжаться в сиденье и съехать ниже. А потом надвинула капюшон на глаза.

Марисоль на автомате заслонила мне лицо своей огромной бирюзовой сумкой и спросила:

– Что ты там болтаешь?

– Эшер Флит. Слева на сцене.

Ведь он уже окончил школу, разве нет?

– Ди, дыши.

– Дышу, дышу.

Почему он постоянно оказывается там, где я?

– Да, как моя собака после пробежки. – Марисоль сделала вид, что копается в сумке, которая все еще заслоняла меня. – Что же все-таки произошло в тот день в «Париках»?

– Я же тебе вчера рассказала. За обедом.

– Да обрывки одни, а не рассказ. Ты ведь одновременно ела крекеры с хумусом и читала «В поисках Аризоны».

– «В поисках Аляски». Аляски!

– Какая разница? Вдруг я пропустила важные детали? Так что расскажи мне все еще раз с начала и до конца. И без чтения другой истории при этом.

– А, ты хочешь историю про то, как Дарси Уэллс несет Тэсс какие-то юридические документы, и все из-за того, что Уинстон – упрямый идиот? И как Эшер Флит изображает разно-рабочего, при этом с ходу грубит без всякой на то причины и ведет себя странно? Нет у него веского повода так себя вести...

Я все говорила, пока не случилось непоправимое. Пока Эшер Флит не оказался у сцены и не посмотрел мне прямо в глаза. Наши взгляды пересеклись всего на секунду. Очевидно, капюшона худи было недостаточно для того, чтобы спрятаться. Эшер сразу же отвернулся и помахал рукой Лондон Бэнкс, игравшей роль кузины Беатриче, Геро. А потом, держась за перила, медленно поднялся вверх, чтобы поговорить с рабочим сцены. От моего внимания не ускользнуло то, как Флит прихрамывал, проходя между увитыми цветами арками.

– Ну, ты успокоилась? Можно я наконец все объясню? – Вытащив пачку жвачки, Марисоль предложила ее мне.

Я отмахнулась – не люблю виноградный вкус – и сняла бесполезный капюшон.

– Ты объяснишь, почему он меня терпеть не может?

– Терпеть не может? Да он тебя даже не знает.

По залу разносился шум голосов. Шли оживленные разговоры, на сцене и вне ее.

– Так или иначе, он вел себя со мной как мистер Дарси, – сказала я. – Что он здесь делает?

– Он здесь по трем причинам. – Марисоль указала на задник. – Первая: рукастый Эшер помогает устанавливать декорации. Вторая: он все еще не разлей вода с ведущим актером, Джейсом. И третья...

– «Говорите тише, если хотите потолковать любви», – пробормотала я.

– Что-что?

– Извини. – Я протянула руку к сцене. – Дон Педро, вернее Коннор, играющий роль Дона Педро, уже трижды ошибся, произнося эту строку. Там не «говорите тише, если хотите потолковать о любви». А просто «потолковать любви». Из-за этого весь смысл меняется.

Марисоль откинулась в кресле и воздела руки к небу:

– Ну все. Ты вообще не с планеты, которую мы называем Землей. Восемь лет я дружу с инопланетянкой. Рожденной с книгой в руках, гениально разбирающейся в Шекспире инопланетянкой.

– Ну это ты загнула. Строчка про «говорите тише» – одна из самых известных в пьесе.

Само собой, миссис Ховард наконец заметила ошибку Коннора и поправила его. Я ода-рила Марисоль удовлетворенной улыбкой.

– Все равно инопланетянка.

– Ну ладно. Назови инопланетянке третью причину. – Будто мне не все равно.

– Конечно, Лондон. И я не о городе. – Марисоль взмахнула рукой, ногти сверкнули лаком с блестками. – Из выпускного класса.

Я нашла глазами актрису, на которую показала подруга. Лондон Бэнкс сидела на бортике фальшивого фонтана. Надменная Лондон с кошачьим взглядом, которую все считали холодной (и она сама это поощряла). Ее длинные рыжие волнистые волосы облаком укрывали плечи. Она украшала сцену Джефферсона, будто была создана для нее, подобно другой хорошо знакомой мне артистке. Лондон Бэнкс и Брин Хамболдт – этим подругам нравилось быть в центре внимания.

– Эшер и Лондон уже года два то сходятся, то расходятся. Ты же знаешь.

– Знаю?

Неужели? Впрочем, что-то такое, кажется, я слышала.

– Наверняка бы знала, если бы постоянно не уходила с головой в книги. – Марисоль покачала головой. – И сейчас ты сама подтвердила мое предположение.

Остроумный ответ пришлось забыть, потому что во время нашего обмена репликами – просто комедия в комедии – я снова полезла в сумку, нашла там книгу «В поисках Аляски» и вцепилась в нее.

– Кажется, они снова вместе. – Будто мне не все равно.

Марисоль кивнула:

– Она после аварии объявилась. Помогала восстановиться и все такое.

– А откуда ты все это знаешь?

– Ах, Дарси, – сказала подруга и тихонько рассмеялась. – Ты меня поражаешь.

Я всплеснула руками, вскинув их к софитам над сценой, но тут же опустила, чтобы достать настойчиво звякавший мобильник. Прочитав сообщения, я показала экран подруге.

Бабушка Уэллс: *Давай в 6:30.*

Бабушка Уэллс: *У меня дома, не в ресторане.*

Бабушка Уэллс: *Хочу опробовать новые кастрюли.*

Бабушка Уэллс: *Из дома выезжай до 6. В это время по дороге в Ла-Хойю ужасные пробки.*

Марисоль весело хрюкнула:

– Ба Уэллс открывала для себя прелесть сообщений и – бах! – взорвала свой мобильник.

– И мой заодно.

Я отправила один ответ на все сообщения сразу.

– Как думаешь, что ей надо?

Я пожала плечами:

– Если она опять начнет про маму, до десерта мы не дотянем. Уже не могу больше это слушать. Особенно сейчас, когда за последние пару дней пришлось иметь дело и со счетами, и с почтовыми коробками, и с управляющим Томасом, который постоянно шныряет везде.

Марисоль кивнула, по-прежнему глядя вперед:

– Плюс Эшер Флит вытаращился прямо на тебя, что бы это ни значило.

– Что? Где?

Она пихнула меня локтем, незаметно, но чувствительно:

– Не смотри туда. Опusti голову. Я тебе все расскажу.

– Что значит – вытаращился?

Я послушно опустила глаза на лежавший на коленях роман Джона Грина. Краем глаза я заметила, как сидевшая слева от меня Марисоль немного опустила блокнот с эскизами.

– Вытаращился – значит вытаращился. Я сказала, не смотри, – прошептала она, как чревоушитель. – Успокойся и доверься мне.

Эх.

– Знаешь, что в «Много шума» персонажи подслушивают друг друга, прячась в арках, и из-за этого начинается путаница и всякие неприятности?

Слова Марисоль заставляют меня рассмеяться.

– Что я несу? Конечно, ты знаешь.

– Ну да, хорошо, но какое отношение все это имеет к Эшеру?

– Артисты репетируют, а Эшер прячется за аркой номер три. Но смотрит он не на своего друга Джейса. И не на Алиссу, и не на миссис Ховард, и не на Лондон. Он таращится на тебя. Ну, то есть таращился как минимум секунд десять подряд. Теперь разговаривает с рабочим сцены.

– Да ладно тебе, Марисоль.

Она ахнула:

– Дарси Джейн Уэллс, ты мне не веришь?

Я знала, она действительно все это видела и сказала правду. Марисоль Роблес украшала себя – лицо и тело, – бросаясь в модные крайности. Но со дня нашей первой встречи она ни разу не приукрасила свои слова. Она говорила всегда прямо и честно. В отличие от меня, Марисоль никогда не врал.

Глава пятая

Коллекционер

*...В мозгу не осталось места для неприятных мыслей.
Фрэнсис Элиза Ходжсон Бёрнетт, «Таинственный сад»⁸*

Ужин продолжался уже полчаса, но о маме она пока речь не заводила. Из-за этого я сидела на самом краешке бабушкиного обеденного стула в стиле королевы Анны и не могла расслабиться. Не могла насладиться жареным цыпленком, зеленой фасолью, обжаренной с беконом, и картофельным пюре с чесноком.

Бабушка дважды хлопнула в ладоши:

– На десерт я испекла тот замечательный шоколадный торт без добавления муки.

Она скрылась в кухне, взмахнув накидкой цвета морской волны, как павлиньим хвостом. Этот торт был моим любимым десертом. Что бабушка задумала?

Пока она возилась на кухне, я изучала комнаты, в которых не была уже много месяцев. Когда я маленькой девочкой носилась по ее дому в Ла-Хойе, он был похож на блошинный рынок. Повсюду стояли безделушки. Почти все горизонтальные поверхности ломились от игрушечных каруселей, декоративных часов и фарфоровых статуэток. Нетрудно понять, где корни маминского накопительства. Только вот в ней свойственный Уэллсам ген накопительства проявился гораздо ярче.

– Вуаля! – Бабушка Уэллс расставила на столе хрустальные тарелки, разложила десертные вилочки. Не забыла и большой нож. Идеально круглый торт был покрыт шоколадным ганашем и посыпан сахарной пудрой.

Я глотнула воды и вздохнула, пряча мысли в куклах-матрешках и хрустальных вазах.

– Спасибо, бабушка. Все это было не обязательно.

Проведя ножом по глазури, она умело разрежала торт:

– Что ты, мне же не трудно. И потом я так давно тебя не видела. А ведь у тебя скоро начнется новый жизненный этап. Чем не причина для маленького праздника?

Что в моей жизни стоило праздновать?

Взглянув на мое удивленное лицо, бабушка придвинула мне внушительный кусок:

– Примерно через месяц тебе исполнится восемнадцать.

Точно. Я с нетерпением считала дни до своего дня рождения – дня, после которого служба защиты детей больше не сможет навещать нас домой. И не сможет разлучить меня с мамой, которую я просто не в состоянии оставить.

Бабушка ласково улыбнулась, ее губы цвета клюквы и тронутые розовыми румянами щеки обрамляла шапка золотисто-каштановых волос, которым она так и не позволила стать седыми.

– И ведь скоро ты начнешь подавать заявления в университеты. Дорогая, ты делаешь такие успехи. Ты очень способная, тебя ждет большое будущее.

Но..? Я столько знаю о словах, что чувствую их, даже если они не были сказаны вслух. Это слово так и просилось сюда, я даже отложила вилку с тортом.

– Наверное. Начну с Калифорнийского университета в Сан-Диего. Там отличная программа английского.

– Конечно. Но в университете тебя ждут новые трудности. И они тяжелее школьной нагрузки, которая сейчас на тебя навалилась.

⁸ Перевод Р. Рубиновой и Е. Таборовской.

– Я об этом слышала. – Съеденному торту стало тесно в желудке. – Но я справлюсь. Я всегда справляюсь.

Бабушка накрыла мою руку своей – мягкой, морщинистой, как мятый бумажный пакет, и пахнувшей кремом для рук с ароматом гардении.

– Что, если я помогу тебе?

Ага, вот оно.

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе пора уже подумать о переезде ко мне. – Бабушка обвела рукой вокруг. – Здесь один из самых безопасных и престижных районов, к тому же тебе будут готовить и помогать со стиркой, а ты сможешь спокойно ходить на занятия и учиться. Могла бы даже бросить свой книжный. Не надо было бы волноваться ни о счетах, ни о деньгах.

– Но мне нравится работать в «Желтом пере».

Бабушка тяжело вздохнула.

– Это очень щедрое предложение, – сказала я, как говорила обычно. Бабушка уже не раз мне это предлагала, только в другой упаковке. Сегодня оно было завернуто в «пугающий университет». – Но я нужна маме. У нее никого больше нет. – *Ты ее бросила. Много лет назад.*

Бабушка безучастно махнула рукой:

– Она сама выбрала свой путь. И тебе пришло время выбрать свой. Мне было сложно проявить к ней жесткость после ее лечения, но я должна была так поступить, чтобы сохранить собственное душевное здоровье, хоть она мне и дочь.

– Но...

– Дарси, давным-давно она приняла несколько важных решений.

И одно из этих решений живет и дышит. Это беременность Терезы Уэллс на втором курсе университета, то есть я. Женихом был преподаватель литературы, у которого появилась перспективная возможность год преподавать английский в Таиланде. Только вот один год превратился в восемнадцать. А потом началась совершенно новая жизнь. Та потеря в конце концов превратила маму из коллекционера в патологическую накопительницу.

– Я не такая, как мама, – возразила я.

– Конечно, нет. Но ты вырастешь. В некоторых случаях это означает, что приходится выбирать более трудный, но более удачный путь. Я понимаю, почему ты раньше не хотела сюда переезжать. Девочкам необходима... – Бабушка запнулась, и непонятное мне чувство заставило ее нахмуриться. – Ну, им необходимы мамы. Но теперь настало время сделать выбор во имя себя и своего будущего.

Оставив маму гнить? Или тонуть в море вещей, навсегда лишив ее возможности поправиться?

– Оставаясь, я выбираю себя и ее – нас. Я буду единственным человеком, который ее не покинул. Хоть это и трудно.

– Да, я не сомневаюсь, что это больше чем трудно. Взрослый выбор обычно имеет последствия. – Бабушка глотнула своего кофе без кофеина. – Конечно, ты можешь продолжать заботиться о маме и поощрять ее поведение.

Я с силой выдохнула:

– Я ее не поощряю, я пытаюсь помочь ей побороть это.

– У нее есть улучшения?

– Да, небольшие.

Их недостаточно. Пока. Шести месяцев хватит? По телу пробежала дрожь волнения, тупая и болезненная.

Бабушка покачала головой:

– Хоть я и не согласна с твоим решением остаться с мамой, я его приму. Однако тебе придется принять те последствия, о которых я говорила. Все очень просто. Живи здесь – с

комфортом и без забот. Или оставайся с мамой, сама по себе, и все проблемы решай самостоятельно. Это значит, что, как только тебе стукнет восемнадцать, денег больше не будет.

Я рот раскрыла от изумления. Бабушка подалась вперед:

– Пойми меня правильно. Это не наказание. Наоборот, поступающие от меня чеки больше не будут поощрять безответственное поведение твоей мамы. Это значит, что ты выбираешь взрослую жизнь.

Взрослую жизнь? Конечно, из-за накопительства мне пришлось повзрослеть и взять на себя заботу о маме, но взрослой я себя совершенно не чувствовала. Ведь я еще даже школу не окончила!

– Поверь мне, Дарси, это для твоего же блага. Жаль, что мы с твоим дедом не проявили с твоей мамой больше твердости. Мы были с ней слишком мягки. Либеральничали. Ты в твоём возрасте способнее и разумнее, чем она в самые лучшие времена. – Бабушка повела плечами. – И вне зависимости от того, где ты решишь жить, ты по-прежнему имеешь право пользоваться созданным нами денежным фондом для оплаты обучения в университете.

Даже дедушкино наследство не спасало от холодной, острой боли, которая точила мое сердце. Как бабушка так спокойно угрожала мне лишением одной из тех немногих вещей, на которые я могла по-настоящему положиться? Мне уже несколько лет помогал бабушкин солидный банковский счет, благодаря ему появились «хонда» и превосходный ноутбук. Кроме того, бабушка каждый месяц тайно присылала мне деньги, дополняя скудные доходы от работы в книжном.

Хотя наша квартира была переполнена, нужных вещей мама никогда не покупала. И даже если я отчаянно в чем-то нуждалась, мама не всегда отказывалась от своих спонтанных покупок. Благодаря бабушкиным деньгам появлялись кроссовки и заправлялась машина. Покупались лекарства от простуды и чернила для принтера. Бабушкины чеки помогали оплачивать страховку и счета за мобильник, а иногда даже и продукты – когда маминых доходов не хватало. И случалось это часто, чаще, чем иногда. Если я останусь с мамой в доме 316 по Хувер-авеню, дополнительные деньги поступать перестанут. Меньше чем через тридцать дней.

Бабушка доела остатки шоколадного торта, я же едва притронулась к своему, аппетит пропал совсем.

– Подумай. Представь себя в гостевой спальне. Я берегла ее для тебя, да и твоё собрание книг будет прекрасно смотреться на моих встроенных полках.

Я и раньше думала о той залитой солнцем спальне, которая когда-то была моей игровой комнатой. Эркер с подушками на широком подоконнике, Тихий океан, проглядывавший между крышами домов и кронами деревьев. Уединенное местечко для чтения и занятий. Искусственно состаренные деревянные полы и обшитые белыми панелями стены – таким я представляла себе дом из «Маленьких женщин». А недавно бабушка оборудовала современную гардеробную, при виде которой у Марисоль потекли бы слюнки.

Надвигавшиеся на меня месяцы и даже годы, крепко вцепившись, стали давить. Не будет ли для меня в будущем году непосильной ношей мамино постоянное накопительство вкупе с дополнительным стрессом от учебы в университете? Впервые я задумалась о том, что бабушка, возможно, права.

* * *

Пол-оборота ключа в замке – и уже можно наконец запереться в комнате, сбросить бабушкин ультиматум в одну из книг и прочитать про то, как злу воздастся по заслугам. И как поцелуй залечит разбитое сердце. Так было всегда. Сколько раз я бы все это ни читала.

В квартире мужской голос из телевизора тихо бубнил новости. Нос у меня зачесался, глаза наполнились слезами, и я трижды чихнула. Пыль вела непрекращавшуюся войну с моими носовыми пазухами. Пора было снова убираться.

– Как прошел ужин? – Таким образом Тереза Уэллс всегда спрашивала: «Как там твоя богатая бабушка, которая отказывается со мной разговаривать?»

Мама была у кухонного стола, у ее ног стояла коробка поздравительных открыток. Взяв из убывавшей стопки открытку, мама сделала пометку в блокноте с желтыми страницами.

– Бабушка выглядит хорошо. Было очень вкусно, – сказала я.

Мой закодированный ответ: «Визит прошел без приключений, было приятно, как всегда». Опять ложь. Иногда мне приходилось защищать маму не только от любопытных управляющих и пыли. Я бросила ключи и поморщилась, заметив нетронутую почту. Я разорвала первый конверт. Поперек выписки по кредитной карте светилось красным одно слово. Я резко развернулась, а мама сказала:

– Здесь у меня охвачено все, кроме Дня благодарения и Дня отца.

– Что?

Она указала рукой на то, что могло быть магазином Hallmark:

– Открытки. Здесь есть на все праздники, кроме этих двух.

Видимо, других проблем у нее не было. И этому был посвящен весь вечер? Кто теперь вообще посылает открытки на День благодарения? Из моих знакомых никто. А на День отца? Из всех возможных открыток нам, ясное дело, была нужна именно эта. Конечно. Ведь ее отец уже семь лет, как умер, а мой жил в Таиланде с другой семьей – с женой и детьми. С женщиной, на которой женился вместо покинутой. С детьми, которых брал на руки, когда они родились.

Я уже не могла остановиться. Внутри все горело, как будто я вдохнула гнев вместо пыльного воздуха.

– Этот счет из-за процентов увеличился почти вдвое, и все потому, что ты ничего не выплачивала. – Я сунула бумагу маме под нос.

– Они иногда куда-то деваются. – Взяв еще одну открытку, она поставила отметку в блокноте. – Я правда стараюсь, понимаешь?

Старается? А как стараюсь я? Когда психолог давал бабушке и мне рекомендации, знал ли он, от чего мне придется отказаться ради мамы? Ничего для меня и все для того, чтобы у мамы была стабильность и возможность нормально жить. Я судорожно вспоминала предложенный психологом план борьбы с накопительством.

Если давить слишком сильно, она испугается, будет еще больше накапливать и покупать. У нее нет инструментов для борьбы со стрессом. Переключайте ее внимание на что-то другое вместо того, чтобы противостоять ей.

Тем вечером слова врача заслонили не поздравительные открытки, а нечто большее. Из-за одной любопытной соседки мог развернуться кошмар со службой защиты детей. Неминуемо приближался к концу срок аренды. Бабушка пыталась манипулировать мной. Пыльная квартира мне опостылела.

– Твоими стараниями счетов не оплатить! – Я швырнула листок на стойку. – Этот твой каталог... – Сунув руку в коробку, я схватила самую большую из тех, что могла удержать, пачку открыток и швырнула ее на пол. – Это все только для тебя!

– Ох, – выдохнула мама.

Мой выпад подействовал на нее как огнестрельное ранение. Одна... две... три секунды прошли. Мое сердце в тишине билось о ребра. Мама закрыла ладонями рот и осела на пол.

У меня задрожали пальцы, жар жег ладони. Я действительно это сказала. И все стало только хуже. Уже не важно было, что я в кои-то веки смогла ответить, ведь последствия оказались ужасными.

Тереза Уэллс подобрала одну из рассыпавшихся по полу открыток. На ней был желтый кролик с разноцветной плетеной корзинкой.

– Пасхальное воскресенье, Дарси было четыре.

Я не узнала маминого голоса. Он был хриплым, нутужным, пронзительным.

– На ней было хорошенькое платьице цвета мяты, в белый горошек. – Она осторожно положила открытку перед собой.

– Мам.

Она не ответила, даже не посмотрела на меня. Потом схватила открытку с горящими свечами и рождественским венком:

– В то Рождество было очень жарко, Дарси было двенадцать. Мы босые пошли гулять по Мишн-Бич после того, как Дарси развернула свои подарки. – Мама положила открытку, будто сделала ход шахматной фигурой.

Я наблюдала, мои глаза наполнялись слезами. Она заговорила, обращаясь к открытке с изображением полосатых свертков и торта с розовой глазурью:

– День рождения Дарси, ей исполнилось два. Волосы у нее уже были такие длинные, что мы сделали хвостики, и они завивались, как пружинки. Она тогда измазала джинсы клубничной глазурью.

Горькие слезы покатались по моим щекам. Было такое чувство, что меня тут нет, только кадры со мной. Глава, открывшаяся передо мной, была еще сырой, ее слишком много раз переписывали, и я не хотела ее перечитывать. И я ведь могла со всем этим покончить! Со стрессом, с хламом и с отчаянием. Вот стукнет восемнадцать – и я могу загрузить свою жизнь и все свои книги в голубую «хонду» и укрыться в сказочной комнате у бабушки Уэллс.

Но в то же время я – та же самая я – не могла покинуть этот клочок ковра, пока мама перебирала праздники. Картинка за картинкой, открытки складывались в радугу воспоминаний. Я тоже все это помнила. И плакаты с флажками, которые когда-то висели над всем этим хламом. И свечи, и крашеные яйца, и костюмы кошек на Хеллоуин. И тогда я увидела. Увидела на полу не только навязчивые желания, вызванные болезнью, не только суеверный страх перед счетами, вышедший из-под контроля, как вырвавшийся из рук воздушный шарик.

Я увидела человека. Маму, мою маму, которую не могла бросить. И не собиралась бросать.

* * *

А это означало, что мне нужно было найти, чем заменить бабушкины чеки. Я уже попросила Уинстона дать мне больше смен или дополнительные часы на выходных. Но «мистер Подешевлер» ответил, что уже и так выделил мне слишком много рабочего времени.

Правда, у меня был запасной план – «Империя первоклассных париков». На следующий день во время позднего дневного перерыва, перебравшись туда из «Желтого пера», я заметила сначала один из любимых париков Тэсс и только потом – всю ее целиком. Она обернулась, услышав мои шаги. Длинные черные локоны были таким же упругими, как и ее укрепленное пилатесом тело.

– А, ты как раз вовремя. – Тэсс принесла второй стул и похлопала по нему. – Я мигом, только возьму все, что нам понадобится.

Я села, по-дурацки кивнув головам манекенов. Тэсс вернулась с двумя чашками чая и с блюдами из своей коллекции – для Тэсс была голубая пара с кружевным узором цвета слоновой кости, а для меня белая, с каемкой из розовых соцветий вишни. Потом Тэсс принесла тарелку с песочным печеньем.

– Спасибо, Тэсс. – Я вежливо отхлебнула ее фирменного зеленого чая и заела едкий земляной вкус маслянистым печеньем.

Тут же опустив чашку, моя собеседница вскочила – энергии у нее всегда было в два раза больше, чем у меня.

– Ну, что у нас сегодня?

Я вся сжалась. Тэсс бросилась в небольшой отдел подержанных и уцененных париков. С новыми моделями, которые располагались вдоль стен, мы никогда не экспериментировали. Тэсс посмотрела на меня, держа в руках кучерявый ярко-розовый экземпляр. *Боже, только не это.*

– Захватывающе, но есть и кое-что получше, – решила она. – Этот не подходит к твоей красной кофточке.

Ну да, конечно, совершенно не подходит. Тогда она показала чудовищное нечто цвета электрик, с волосами до плеч и с прямой челкой.

– То что надо!

– Ой, да ладно, давайте не будем... – Серьезно, *серьезно.*

Но было уже слишком поздно. Эксперт по парикам уже успела натянуть это колючее украшение мне на голову. Потом забавы ради – ее забавы, всегда только ее – Тэсс прицепила сбоку две заколки со стразами.

– Так-то лучше. Если приходишь ко мне с усталым лицом и насупившись – типичное твое лицо, Дарси, – то получи дурацкий парик. – Она села напротив. – Ну а теперь расскажи своей любимой Тэсс, что случилось.

Не одна я умела здесь «читать».

– Да так... личные проблемы.

Тэсс глотнула чая и сказала:

– Сожалею. В юности я записывала такое в дневнике. Особенно то, о чем не могла поговорить даже с подругами. Это помогало.

Разве я свою сердечную боль не передала уже словам и бумаге?

– Вообще-то дело в деньгах. А вы не могли бы взять меня на работу на несколько часов в неделю? Уинстон не может дать мне еще смен.

При слове «Уинстон» Тэсс сморщила нос:

– Ой-ой-ой, боюсь, дорогая моя, что тоже не могу себе позволить взять тебя на работу. Можно, правда, дать тебе несколько часов на временной основе, в разгар сезона. Надвигается Хеллоуин. И я уже покупаю дополнительный товар.

Ну хоть что-то. Но бабушкиных чеков не заменит.

– Ничего, Тэсс. Я...

– Все в порядке, миссис Уинстон. – Из арки, которая вела на расположенный в глубине здания склад, появился Эшер Флит.

Он был в легкой бежевой рубашке на пуговицах, рукава закатаны, в руке ящик с инструментами. При виде меня на лице Эшера отразилось... раздражение? Удивление? Или он просто узнал меня? Я не поняла. Потому что сидела там с чаем и с печеньем, похожая на американский флаг, по крайней мере на его часть, – в красной маечке с вырезом лодочкой и в идиотском синем парике, усеянном блестящими звездами заколок.

Тэсс вклинилась между нами и встала, отставив бедро в сторону:

– Вы знакомы, ребята?

– Да, – сказал Эшер, как раз когда я произнесла: «Нет».

– Ну, формально, – поправился Эшер, как раз когда я пропищала: «Типа того».

То ли кашлянув, то ли прочистив горло, Тэсс сверкнула на Эшера глазами. Может, намекала на то, что он, как джентльмен, должен был представиться первым? Слишком поздно становиться джентльменом, мистер Дарси.

Но Эшер поставил ящик на пол и приблизился на шаг. Протянув ладонь, он посмотрел мне в глаза. Его карие глаза были как турмалины. Он улыбнулся уголком рта:

– Эшер Флит. Ты еще в Джефферсоне, да?

Ну, это-то он должен был знать, но, возможно, кое-какие воспоминания о хороших манерах все еще остались под каштановой шевелюрой. Прядь волос падала на лоб, частично скрывая неровный шрам.

Я протянула руку в ответ, и теплая твердая ладонь Эшера обхватила мою.

– Дарси Уэллс. Да, я в выпускном классе. – *И в идиотском парике. Ох, Тэсс.*

Эшер повернулся к владелице магазина:

– Если вам нужны еще модели для париков, то я готов. – Он улыбнулся и, глядя на меня, выгнул бровь. – Неоновые цвета – пожалуйста, но я говорю твердое «нет» той радужной клоунской модели у окна. Ах да: менять вытяжку вам не понадобится. Чуть почистил – и работает как новенькая.

Тэсс усмехнулась:

– Прекрасно. – Она указала подбородком на стену слева. – Новые полки – просто сказка. Спасибо за хорошую работу.

Эшер поднял ящик с инструментами:

– Пожалуйста, обращайтесь. – Он кивнул мне и пошел к двери, но потом оглянулся по знаку Тэсс.

– Господи, – произнесла она. – Я забыла сказать, что Дарси работает по соседству, в «Желтом пере».

Глядя через плечо, он снова поймал мой взгляд.

– А-а, класс.

И тут же ушел. А я пыталась заставить себя думать о чем угодно, только не о нем, не о парне, у которого есть девушка. Не о парне, который на этот раз был не грубым, а... приветливым. Но – вот ведь дурость – мой мозг не запретил глазам следить за тем, как, заметно прихрамывая, Эшер перешел Юнивёрсити-авеню и скрылся в здании «Юристы Мид-Сити». Заживающая травма ноги и улица с сильным движением, а он не пошел на пешеходный переход? Ну и ладно. Будто мне есть дело до этого. Будто мне есть дело до Эшера.

Часы у Тэсс на стене вернули меня от мыслей к реальности.

– Спасибо за угощение, но мне пора, а то Уинстон...

– Это уж точно. – Тэсс фыркнула. – Задержись-ка, дорогая моя, – воскликнула она, когда я взялась за ручку двери.

Обойдя прилавок, Тэсс быстро подошла ко мне. Ловким движением она сняла с моей головы синий парик.

– Ой, – нервно хихикнув, сказала я. – Как я могла забыть про *это*?

– Я обладаю природным талантом объяснять различные феномены. – Она улыбнулась, хоть и немного грустно, ее глаза при этом сверкали, как алмазы. – Но, пожалуй, ответ я оставлю для твоего следующего перерыва.

У меня вспыхнули щеки. И тут вдруг я подумала о другом:

– А вы когда-нибудь покажете мне свои настоящие волосы?

– Возможно, когда-нибудь покажу. – Тэсс откинула голову назад, тряхнув париком. – Или не покажу, ведь у каждой девушки должна быть тайна. Один секрет, известный только ей.

Или не один.

Глава шестая

Сокровище и вор

...Мы должны продолжать все, что начали, потому что отступление нам отрезано.

Роберт Льюис Стивенсон, «Остров сокровищ»⁹

– Нет.

Это было сказано моим шофером, она ждала меня у нашего стола во дворе. Я замерла на середине лестницы с новыми перилами.

– Что значит – нет? Это пляжная вечеринка, а не показ мод.

Марисоль театрально прижала руку к груди:

– Ты что, ничему у меня так и не научилась?

Я продемонстрировала джинсы-бойфренды и темно-синий свитшот:

– Песок, костер и пепел... *песок!*

– Симпатичные подходящие парни, вечеринка сезона... *симпатичные подходящие парни!*

– Но...

– Не заставляй меня подниматься к тебе.

Я разглядывала рваные джинсы и бледно-серую футболку Марисоль. Кожаная куртка подруги растеклась по столу, как черное масло. Согласна, я оделась гораздо проще, но все же.

– Мой внешний вид вполне приемлем.

Марисоль вскочила и собрала свои вещи:

– Я тебя предупреждала.

Она потащила меня в мою квартиру, хоть мне и не хотелось. И – спасибо подруге – она вообще не смотрела ни направо, ни налево, пока бежала по «козьей тропе» в мою комнату.

Я беспомощно стояла, как кукла Дарси, пока Марисоль играла в стилиста. Всего пара сумасшедших минут – и она преобразила меня в соответствии со своим вкусом. Темно-синий свитшот грустно повис на кровати, на смену ему пришли черная футболка и сверху – длинный толстый черный кардиган, о котором я вообще забыла. Потом Марисоль добавила светло-голубой снуд на шею.

– У воды будет холодно. – Ловкими пальцами она нанесла мне на волосы крем для укладки. – Ну вот. А кроссовки можешь оставить.

Вот спасибо!

Сияя улыбкой, Марисоль сделала шаг назад.

– Дело сделано. – Она взяла сумку. – Я только макияж поправлю, и можно идти.

Я взглянула на книжную полку:

– Так у меня есть время пару глав прочитать?

– Обхохочешься. – Марисоль со своей косметичкой в горошек уселась перед моим зеркалом. – Ох уж эта Наталия!

– Что, сестренка опять играла с твоей косметикой?

Марисоль помахала тюбиком цвета розового золота, и я узнала помаду «Элиза Б.» из специальной серии.

⁹ Перевод Н. Чуковского.

– Надеюсь, Наталия хорошо прожила свои тринадцать лет на этой планете, потому что я ее... ах! Ну ты посмотри, только вчера купила этот цвет, «Малиновая роза». Прямо перед моим уходом она попросила один разок попробовать, и я, дуручка, разрешила.

Подруга сунула тюбик мне под нос. Наталия сломала помаду и выкинула ее, остались лишь розовые комочки на дне тюбика.

Я поморщилась:

– Вот так неприятность. А они ведь по тридцать баксов за штуку.

– Да не говори. Наверное, нажала слишком сильно – и хоп! И ей пришлось замечать следы. Спорим, она даже надеялась, что я подумаю на маленькую Камиллу.

Я бросила взгляд на открытую дверь, потом снова на Марисоль.

– Как связаны твое хитрое лицо и моя испорченная «Малиновая роза»?

Ведь можно, да? Один раз?

– Дарси!

– Так. Э-э-э... идем со мной, – сказала я, и Марисоль пошла.

Мы оказались в той части квартиры, которую большинство жильцов называло обеденной зоной. Нашу Тереза Уэллс превратила в мини-склад косметики. Как ни прискорбно, я знала, где искать. Сняв четыре пластмассовых ящика, я открыла один из них. Марисоль потрясенно ахнула.

– *Dios mio*, вот думаешь, что знаешь, а на самом деле нет, не знаешь, – сказала она.

– Ага.

Опустившись на колени, я стала перебирать совершенно новые тюбики с помадой и блеском для губ.

– Где-то здесь должна быть и «Малиновая роза».

Марисоль присоединилась к поискам. Мы нашли десять тюбиков недавно выпущенного оттенка.

– Это все с торговых выставок?

Я пожала плечами:

– У мамы огромная скидка на рекламную продукцию с выставок, поэтому она тащит домой все больше и больше. И потом, когда в «Мэйсиз» день тройных баллов...

– Мне никогда не понять, как она помнит про все.

– И про то, где все это лежит. – Отогнав беспокойные мысли, я протянула Марисоль новенькую коробочку цвета розового золота. – Сегодня ты возьмешь это себе, и будем надеяться, что она тюбики этого тона не пересчитала.

– Может, не надо?

Я вложила помаду ей в ладонь:

– Мы все равно возьмем, потому что ты моя лучшая подруга, да и...

Замолчав на полуслове, я открыла другой ящик – просто взглянуть. Внутри лежали сотни баночек с тенями для век, румяна и кисточки для макияжа. Тюбики тонального крема «Элиза Б.», консилеры, тушь для ресниц и подарочные наборы со специально подобранными тонами.

– Да здесь косметики на тысячи долларов...

Марисоль мечтательно вздохнула:

– Эх, вот бы мне жидкий карандаш для губ «Динамичный пурпур» и крем-тени для век

«Фисташковая авантюра». Их тут десятки – нет, сотни, их очень-очень много. Добро пожаловать в мой вариант пещеры Аладдина.

– Прямо «Остров сокровищ».

Марисоль взяла набор теней для век:

– Один такой стоит шестьдесят пять долларов. Тональный крем продают по пятьдесят.

– Не расстраивай меня. Это больше, чем я получаю за одну смену в «Желтом пере».

А скоро мне нужно будет работать еще больше, чтобы обойтись без бабушкиных чеков. Из-за второй работы останется еще меньше времени на занятия, а на себя – совсем не будет. Или... *Нет. Заменить одну помаду для Марисоль – другое дело.*

Марисоль внимательно изучала мое лицо.

– Эй, твое выражение будто говорит: «Я собираюсь кое-что сделать, но не знаю, стоит ли». И хочу добавить, тебе полезно это выражение придавать лицу почаще.

Мое горло издало странный звук. Я принялась расставлять разную косметику от «Элизы Б.» на полу, и мое сердце трепетало под тонким голубым шарфиком.

– Сомнительное и глупое или блестящее и изобретательное? Деньги, что я могла бы выручить, продав что-то из этого, заменят многие часы работы.

Не прошло и пяти секунд, как озадаченность на лице Марисоль сменилась волнением.

– Дарси, понимаю, как это заманчиво, но нельзя.

– Или... можно.

– Разве это не идет вразрез со всем, что говорил тебе психолог? С тем, о чем он тебя предупреждал?

Косметика не помещалась у меня в руках.

– Это идет вразрез со всем, что он говорил.

– Впрочем, косметика новая... Нетронутая, – задумчиво добавила Марисоль. – Лежит себе в ящиках и пользы никому не приносит. Если только ты непустишь ее на пользу *себе*.

– Так ты в деле?

– Скорее мысленно крою платье. Швов пока нет. Ничего определенного. Мы просто рассматриваем вариант.

– Ну да. Просто рассматриваем. – Я задумалась. – Парочка помад тут, румяна и тушь там... – Я обвела глазами квартиру, все эти бесконечные кучи хлама. – И не только косметика. Вон в тех коробках лежат дорогие фены и утюжки для волос. Можно продавать немного, по чуть-чуть, чтобы она не заметила. – *Но как мне это все устроить?*

Погодите-ка – после того как мама горевала здесь, на полу, потеряв голову, погрузившись в открытки и в воспоминания, – могла ли я после этого сознательно сдвинуть хрупкие границы ее болезни еще дальше? Если мама узнает о моем коварном плане, то это вполне может загнать ее туда, откуда мне ее будет уже не вытащить. Надежда выжить и остаться дома могла оказаться под угрозой из-за очередной лжи, все было сопряжено с огромным риском. Дилемма за руки и за ноги буквально тянула меня в разные стороны.

Марисоль, не вставая, подползла ко мне поближе, ее коленки выглядывали в дырки на джинсах.

– А как насчет eBay? Новая косметика уходит быстро. Мы скинем пару долларов с розничной цены каждого товара, и налоги там не взимаются. У нас с мамой общая учетная запись, мы покупаем и продаем ткани и декор под старину для тех, кто шьет винтаж. Пока тебе не исполнилось восемнадцать, ты могла бы размещать товары в нашем профиле, а потом заведешь свой. Мы просто будем отделять твои платежи и перечислять их тебе через PayPal. Ничего сложного.

Довольно быстрые деньги, и не нужны дополнительные часы, которых, кстати, у меня и нет. Я опять устала на ящики, зная, что у мамы таких еще много. Пиратские сундуки с заветным золотом. Накопительство – зло, и я была им сыта по горло. Я хотела выяснить, почему маму не отпускало, хотя консультант уверял нас в том, что наступит улучшение. А пока не пришло ли время *мне* вернуть себе контроль и двигаться вперед – здесь и сейчас, – насколько это возможно?

– Ладно. Давай, – сказала я Марисоль уверенно, хотя на самом деле такой уверенности не испытывала.

Марисоль открыла новую «Малиновую розу» и без зеркала идеально накрасила губы.

– Почему ты все-таки согласилась? – Я накрыла ящик крышкой. – Поначалу ведь сильно сомневалась.

– И до сих пор сомневаюсь. Ну, Дарси, сама знаешь, – предостерегла меня подруга.

– Мама не должна догадаться.

– Тогда мы сделаем так, чтобы не догадалась. Нам предстоит своей сообразительностью превзойти ее осторожность, – заключила Марисоль. – Если ты решила сделать что-то сомнительное и глупое, блестящее и изобретательное, то только со мной вместе.

* * *

Пока Брин Хамболдт развлекала собравшихся на Мишн-Бич эффектными балетными прыжками *jeté* и *pas de chat*, я глубоко дышала. Тяжелый от соли океанский воздух будто бы немного давил. Солнце вытекало за горизонт, как желток из треснувшей скорлупы. Обернувшись, я взглянула на его лучи и побрела к воде. На берег намыло водорослей, они были похожи на спутанные русалочьи волосы. Это сравнение придумала мама, когда я еще строила здесь замки из песка. И с тех пор я воспринимаю водоросли только так, бережно храню этот образ из маминих сказок. Некоторые вещи не меняются, даже когда изменилось все вокруг.

– Привет. – За моей спиной появилась Марисоль. – Пошли посмотрим, чем здесь травят.

Я последовала за подругой к двум раскладным столам с едой, стоявшим параллельно причалу из темного камня. Родители Брин накрыли их и ушли, оставив толпу гостей на попечение братьев Брин, которые уже учились в университете. Про подсчет калорий на этот раз беспокоиться было не нужно. Про это Брин на один вечер забыла. Ради балета ей надо было придерживаться строгой диеты, состоявшей из зеленого сока и цельных злаков, нежирного белка и перекусов из продуктов, прошедших минимальную обработку. Но во время ежегодной вечеринки в честь «Щелкунчика» Брин уходила в отрыв.

– О боже. Только не устраивай сцен, – взмолилась я, быстро взглянув на второй стол.

– А что?

Я показала. Подруга посмотрела туда. Презрительно усмехнулась. Поставила одну руку на бедро.

– Марисоль.

– *Начос*? Знаешь...

– Конечно, уже сто раз слышала. Начос – чисто американское изобретение. Не забывай, что я воспитана на твоём истинно мексиканском пищевом снобизме. – Марисоль всегда с пафосом и очень поэтично рассказывала о связи кухни с её родной культурой. – Давай назовем это просто едой. Не мексиканской, а просто едой, идет? Кукурузные чипсы. Гуакамоле. Расплавленный сыр и сальса. Сметана. Всем этим *можно* наполнить тарелку, не причинив себе эмоциональной травмы. Да, традиции не соответствует, но все равно очень даже съедобно.

Три шага вперед. Клянусь, она наморщила нос.

– Завтра у меня дома будем есть настоящую еду. – Марисоль взяла тарелку. – Маме об этом ни слова, поняла?

* * *

Как бы умело Марисоль ни подбирала для меня одежду, под модным кардиганом и шарфиком я оставалась типичным антисоциальным элементом. Не то чтобы мне не нравились вечеринки. Еда, напитки, музыка – это здорово. Против больших скоплений людей я тоже не возражала. Но, тем не менее, и в этот раз все вышло как всегда. Привычное зрелище заставило меня бесцельно бродить по песку. Я уже поела (две порции начос и огромное печенье с шоколадной крошкой). И поболтала с парой одноклассников.

Теперь руки жаждали книг. Мне ужасно хотелось со своим портативным фонариком для чтения свернуться калачиком на одном из пляжных покрывал, а вечеринка пусть продолжается вокруг меня, превращаясь в туман из белого шума. Была только одна проблема: Марисоль, припарковав свой красный «патфайндер», конфисковала из моей сумочки все романы (их было три).

Пока подруга о чем-то шепталась с Брин и десятиклассницей Эми Шу, я потихоньку обошла костер и направилась к воде. Был тот короткий отрезок времени между закатом и вечером, когда небо от ушибов и ран очередного дня приобретает цвет раздавленных слив. Я шла вдоль кромки воды в сторону причала. Широкий каменистый мыс, уходивший в Тихий океан, был похож на гигантский черный леденец. Рядом с мысом стояла одинокая фигура. Мне показалось, что я ее узнала. Подойдя ближе и приглядевшись, я поняла, что не ошиблась. Эшер Флит. Его унылое лицо, опущенное вниз, в белом свете уличных фонарей казалось бледным. Плоский камень заменял ему скамейку.

Там, на сереющем песке, меня посетила мысль, странная, но не лишенная основания. Эшер никогда раньше не ходил к Брин на ее вечеринки в честь «Щелкунчика». А что, если он мной *интересуется*? Я тут же отбросила это смехотворное предположение. Я была не из тех девчонок, за которыми парни ходят хвостиком по комнате, не говоря уже о беготне по всему Сан-Диего. Да и настоящая причина появления Эшера нашлась быстро. Он близко общался с Джейсом Доннелли, который сейчас подошел к столу с начос. Летом Джейс недолго встречался с Брин, а когда их роман зачах, они остались просто друзьями. Сейчас Брин стала много времени проводить с Лондон Бэнкс. Все это объясняло появление угрюмого мальчика на черном камне, но для меня оставалось загадкой, какое мне до этого дело. Почему я не могла отвести глаз, пока боковым зрением не засекла какое-то движение?

Лондон кратчайшим путем шла к причалу, к своему (в очередной раз) парню. Я видела, что они шепотом обменялись парой слов, но ничего не разобрала. Эшер помотал головой и отмахнулся от чего-то, что предлагала, достав из сумочки, Лондон. Похоже, ей это не понравилось, и она, всплеснув руками, решительно пошла к остальным.

Вот тогда Эшер меня и заметил. Ровно на секунду сжав рот, он отвернулся к океану. Я прикусила губу изнутри. Нет, я не питала иллюзий и вовсе не думала, что мы вдруг стали лучшими друзьями, но ведь на днях мы официально познакомились в «Париках». А теперь он опять относится ко мне как к пустому месту?

На бетонированной части причала с визгом затормозил пикап. Из кабины выскочили старшие братья Брин, Джонатан и Дерек, и откинули кузов.

– Эй, у костра! Давайте сюда, лузеры! – крикнул Джо. – За дело, народ!

Тут же почти все ребята и даже многие девчонки побежали к пикапу. Разбившись на пары, они принялись разгружать деревянные бруски и складывать их в кострище. Я стояла, снедаемая любопытством, за группой уминавших печенье десятиклассников. Эшер наблюдал за происходящим, но сам не помогал. Даже с места не сдвинулся. Ладонью он закрыл лицо, пальцы впились в лоб. Что с ним, болен? Тогда зачем вообще было приходить?

Вскоре, зашипев, вспыхнуло высокое пламя, и я выбросила из головы Эшера и его выходки в стиле мистера Дарси. Пламя взвивалось в темноте, и его оранжевые языки освещали почерневшую береговую линию. Я тут же закрыла глаза и стала слушать, как огонь трещит и щелкает. Музыка стала мягче и тише.

Мы придвинули к огню стулья и покрывала. Марисоль легла слева от меня, опершись на локти, и даже Эшер, покинув свой пиратский причал, занял место у костра – расположился рядом со своей девушкой на покрывале. В худощавом теле Эшера чувствовалась какая-то суровость и напряжение. Фигура Лондон была подтянутой, с приятными изгибами, а волосы завораживающе пламенели, обрамляя матовую кожу буйным медным сиянием. Завораживали они и Эшера. Он придвинулся к Лондон, стянул с себя синее худи и набросил ей на плечи.

Мне следовало отвернуться, когда она, притянув Эшера к себе, поцеловала его медленно и глубоко. Но ведь на их месте могла бы быть любая книжная пара из романа, каких полно в моей библиотеке. Я наблюдала за ожившим печатным текстом до тех пор, пока они не разомкнули объятий и не принялись болтать с друзьями. Волшебная картинка начала тускнеть и уменьшаться, пока не стала размером с жемчужину. Но мне не удалось заставить видение исчезнуть. Оно застряло у меня под языком, как таблетка, которую никак не можешь проглотить.

Вдруг смех Брин, громкий и дикий, напугал меня, прорвавшись сквозь пламя. Вместе с дровами братья Хамболдт привезли много литров дешевого шардоне, предусмотрительно перелитого в пластиковые бутылки от воды и охлажденного. Будучи миниатюрной, Брин довольно быстро перескочила состояние «навеселе» и, кажется, обогнала при этом всех остальных. Один из холодильников с бутылками как раз дошел до нашего покрывала, другой оказался возле Эшера и Лондон. Рыжая красotka взяла две бутылки и надменным взглядом окинула всех вокруг, типа, только посмейте что-то сказать. Эшер покачал головой, отмахиваясь от Джона. Итак, пират-налетчик еще и не пьет?

Зато Марисоль пила. Бросив на меня выразительный взгляд, она сунула руку в емкость со льдом и вытащила мокрую бутылку.

– Да пожалуйста. Но если переусердствуешь в этом деле, то я отвезу тебя к себе домой и ночь проведешь в «Хлам-Хилтоне», – прошептала я.

Марисоль открутила пластиковую крышечку:

– Не парься, книжная ты моя. Я немного, глоточков десять, что-то вроде предварительного празднования. Скоро у нас обеих дни рождения. Восемнадцать, детка.

– Восемнадцать, – повторила я, пробуя слово на вкус. Пробуя на вкус облегчение и покой. Их должно было принести событие, после которого ни одна правительственная служба не сможет разлучить меня с мамой.

Брин вдруг вскочила, мой смех угас.

– Ребята! – размахивая руками, завопила она. – Минуту внимания.

Мы с Марисоль в ужасе переглянулись.

– Скажите мне, что кто-то это снимает, потому что... о боже! – прошептала подруга.

Брин сделала несколько шагов, шатаясь, как не должна шататься ни одна балерина.

– Вы все здесь потому, что каждый из вас такой...

Я ахнула:

– Кончится тем, что она грохнется в костер.

Не я одна этого опасалась. Пока Брин, похожая на только что родившегося жирафа, ковыляла среди толпы, друзья, словно заботливые мамы-наседки, передавали ее из рук в руки, чтобы осторожно увести от огненной опасности.

Реагировали все по-разному. Из группы учеников выпускного класса слышались возгласы вроде «Да-да, давай, крошка Бринни». Некоторые глазели, широко раскрыв рты и качая головами. Слышались приветственные восклицания, смех и даже громкий гогот – это были те, кто, ритмично постукивая по обтянутым джинсами ногам, подстегивал хозяйку вечеринки.

Брин склонилась в низком поклоне:

– Итак, прежде всего я хочу поблагодарить моих Джона и Дерека. – Она взглядом нашла в толпе братьев и обвела рукой вокруг. – За вашу помощь, и за дрова, и за то, что устроили нам пир.

Марисоль вкопала дно винной бутылки в песок:

– Ох, сама человечность.

– Вот это театр! – заметила я. – Какой там «Щелкунчик», ей бы в «Много шума» главную роль.

Брин уселась на песок:

– Ребята, я вас не увижу долго-долго, из-за танцев и все такое. Работы очень много. О боже.

– Надеюсь, вы все в этом году придете на меня посмотреть, потому что это будет круто. – Брин подняла указательный палец. – Но сейчас, думаю, настало время развлекать *меня*. Это моя вечеринка, и я так хочу.

– Если бы своими глазами не видела, никогда бы не поверила, – сказала Марисоль.

– Поверила бы, поверила.

У Марисоль задергались уголки губ, а Брин, вытянув руку, продолжала:

– Некоторые из вас уже пробовали. – Разворот на сто восемьдесят градусов. – Робби исполнил перевороты назад. Весьма впечатляет.

Толпа вместе с Робби прыснула со смеху.

– А Эми с Челси и еще парочкой остальных попытались устроить настоящий балет. – Брин указала не на кого-то одного, а на всех. – Кто-то из вас считает, что умеет петь, а на самом деле – нет.

Ну, это было правдой.

– Однако я жду чего-то... особенного.

Она переводила взгляд с одного человека на другого. А то, что случилось потом, я сначала ощутила внутри себя. Я поняла раньше всех, почуяла это, как животные чуют землетрясения и ураганы. Бежать было поздно. И прятаться тоже, потому что Брин прошла по песку и остановилась у моего покрывала:

– У мисс Дарси Уэллс совершенно уникальный талант.

Я беспомощно взглянула на Марисоль: расправив плечи и дерзко подняв голову, она одарила Брин взглядом, который мог испепелить, как пламя костра. Не обращая внимания, Брин продолжала:

– Дарси – настоящий человек-словарь.

О боже. Прямо как в магазине париков, только хуже, потому что глаза, впившиеся в меня, были живыми. Повернутые в сторону моего сидевшего со скрещенными ногами тела, все эти головы крепились к туловищам людей, с которыми мне в понедельник предстояло встретиться в школе. И тут пошли комментарии – на фоне ритмичного морского прибоя, под гул ближайшего проспекта:

– Блин, да ведь правда! Она портит кривую результатов на контрольных по углубленному английскому.

– Всегда портит.

– Наверное, она знает все существующие синонимы к слову «ботаник».

Смешки. Фыркание. Брин скрестила руки, получился гигантский крендель.

– Спорим, вот эта самая Дарси поставит в тупик любого из вас. И я хочу это увидеть своими глазами.

– Я... – Это все, что я могла выдать.

Языки пламени гнулись и сплетались – над костром вился ночной ветерок, который яростно обдувал раскаленные угли моих щек. Значит, Брин решила с моей помощью развлечься? Я была всего лишь клоуном на вечеринке? Ходячим словарем?

– Ну, эта дура из «Щелкунчика» за это поплатится, – прошептала Марисоль, при этом у нее на лице сияла улыбка, такая же фальшивая, как волосы Тэсс.

– Дарси всегда находит необычные слова, или слова находят ее. Я их никогда не знаю. Но сегодня у нас, – Брин сделала на песке пируэт, – будет наоборот. Мои фокусы закончились, теперь очередь за Дарси. – Она достала мобильник и потрясла им над головой. – Настало время балета для мозгов.

Пожав плечами, я опустила глаза и закусила губы. Что мне еще оставалось? Марисоль наклонилась ко мне:

– Дыши, Ди. Ты справишься.

– У кого есть что-нибудь подходящее? Какое-нибудь сногшибательное слово? – спросила Брин.

Друзья Брин перешептывались, уткнувшись в Google и словарные приложения. Некоторые поглядывали в мою сторону. Отворачивались. Никто ничего не говорил. Что, вызов никто не принимает? Брин взмахнула рукой:

– Ну давайте же, ребята. Одно слово. Сможет ли Уэллс победить Уэбстера?¹⁰ – Она захохотала над собственной подколкой.

Ничего, только резкие всплески прибоя, накатывающие волн и белой пены. Секунды шли, пока...

– У меня есть слово.

Брин хлопнула в ладоши, я повернулась на голос. Лондон Бэнкс, вскочив на ноги и довольно улыбаясь, размахивала мобильным. Эшер, покачивая головой, устремил взгляд к океану.

– Мне это совсем не нравится, – пробурчала мне на ухо Марисоль.

Лондон шагнула с покрывала и, оказавшись в центре внимания, расправила плечи.

– Это слово «анакхорет».

Анахорет. Еще с детского сада я знаю, что слова обладают силой. Конечно, это не такая сила, как у ружей или клинков, но все же слово может и созидать, и разрушать. Одно слово может затопить тысячу невысказанных звуков и рассказать тысячу захватывающих историй. Оно может и обмануть, и ранить, и вогнать в краску. Как сегодня.

Анахорет. Отшельник. Это был редко используемый термин, обозначавший ученых-затворников или служителей церкви, принявших суровый обет. Всего пару минут понадобилось Лондон, чтобы с помощью обратного поиска, сначала написав определение, найти неудобное слово. Она сделала это нарочно, для себя. Девушке, постоянно искавшей сцены, Брин предложила подмости из песка. И свет костра вместо софитов. Лондон перед соблазном не устояла. А мне досталась роль шекспировского шута.

Сплетничала ли Брин обо мне с Лондон? Сыпала ли шутками о веренице моих «книжных парней»? Мне было несложно дать определение слову, которое нашла Лондон. Но, сделав это, я бы дала определение себе, причем вслух и при всех. Дарси Джейн Уэллс – одинокая, отшельница.

Какое определение ни придумай, мне было почти восемнадцать и меня никогда никто не забирал из дома на свидание и не целовал на танцполе. Я никогда не сидела у костра рядом с обнявшим меня за плечи парнем, пахнувшим дымом и фланелью. Друзья никогда не оставались у меня с ночевкой после моего дня рождения. Задумывались ли они, почему так вышло? Вряд ли. Ну конечно. Никто не знал, почему я надела шапку-невидимку – на себя и на свое сердце. Никто не знал, что парню или просто любому встреченному мною в жизни человеку придется переступить границы кошмара моей квартиры, узнать правду о маме. Долгие годы я тщательно скрывала этот кавардак ото всех, кроме Марисоль, и помалкивала.

Я цеплялась за любовь в романах. Наполняла пустые невидимые руки книжными поцелуями и «жили они долго и счастливо», что авторы дарили другим героиням. По ночам я складывала свою правду между страницами. Там она была в безопасности. Говорить о ней – другое дело. Скажешь вслух – сделаешь ее настоящей. И будет больно.

– Дарси, ты знаешь, черт побери, что значит анахорет? – прошептала Марисоль.

– Да, знаю.

– Так заткни ей рот.

– Мы ждем, – пропела Брин, постукивая рукой об руку. – Или ты признаешь, что проиграла Лондон?

¹⁰ Ноа Уэбстер (1758–1843) – американский лингвист, автор словарей и справочников.

Среди собравшихся нарастало нетерпение. Люди ерзали на месте. Закатывали глаза, пожимали плечами. Многие откровенно заскучали, это было видно по их лицам, искаженным золотистыми бликами костра.

– Я... э-э... – *Пусть песок поглотит меня целиком.*

– Эй, разве это не связано как-то с монахами или чем-то вроде того? – крикнул мужской голос. Это был Тодд Блэкторн из выпускного класса. Скука развеялась. Толпа рассмеялась, на меня обратились любопытные взгляды.

– Лондон, почему ты вспомнила про монахов? – спросил какой-то парень.

Опять смех. У меня внутри все застыло. Лондон пожала плечами, просияла притворно-сдержанной улыбкой и, снова сев, прислонилась к Эшеру.

Как и слово, мгновение тоже могло обладать баснословной силой. И следующее было именно таким. Воплем, похожим на крик чайки, Брин прервала свою собственную игру. Вернее, ее прервали Джейс Доннелли и Дерек Хамболдт. Пятью секундами раньше они подкрались к Брин сзади и, действуя в паре, вскинули ее грациозную фигурку вверх, как трофей.

– Прости, Брин, но игры у тебя отстойные, – сказал Джейс, крепко держа ее за ноги. – Есть идея развлечься получше. Называется «Окунем Брин-Брин».

– Ай-ай-ай. – Брин брыкалась и лягалась. – Вы что, ребят..?

– Не переживай, сестренка. – Дерек пятился к волнам. – Я захватил много полотенец. И мы не дадим тебе утонуть.

И ни костер, ни игра в слова, ни мое унижение уже никого не интересовали. И хотя намечалось лишь символическое купание, все равно наблюдать за тем, как два друга тащат визжащую балерину к Тихому океану, было гораздо интереснее, чем смеяться надо мной. Толпа, включая Лондон, рассыпалась, многие поскакали к воде. Несколько храбрецов, скинув свитшоты, кинулись в ледяные волны.

Часть осталась, они предпочли валяться у огня и пить дешевое вино. Мы с Марисоль были среди тех, кто решил не купаться. Она посмотрела на меня долгим, многозначительным взглядом и суммировала предыдущие пять минут одним простым «вау».

– Можешь сказать это еще раз.

Подруга сунула облепленную песком пластиковую бутылку мне в руки:

– Давай. После недавнего «что это было», тебе пара глотков не помешает.

Я не очень-то любила алкоголь, но с логикой Марисоль было не поспорить. Уж точно не в день ворованной помады и разработки плана с eВау. Уж точно не тем вечером, когда мне пришлось уцепиться кончиками пальцев за обшивку корабля, чтобы не утонуть в простирившемся внизу океане моих секретов. Подняв бутылку, я мысленно восславляла небо цвета стали и поймала взглядом затененный силуэт Эшера Флита. Он стоял на утопанном песке, примерно на полпути между костром и водой, совершенно один. Сентябрьский месяц освещал его спину. Я глотнула вина. Холодное и резкое, оно, поблескивая, как пиратское золото, обожгло мне горло и потекло рекой в желудок.

Глава седьмая

Чернила

Это слово нужно было бы вывести не чернилами, а золотой краской.

Д. Барри, «Питер Пэн»¹¹

– Прошу прощения? Мисс!

Я вздрогнула, сонная после вчерашней вечеринки у костра, продлившейся до поздней ночи. У кассы в «Желтом пере» стояла светлокожая женщина средних лет. Погрузившись с головой в изучение платформы eBaу и в разработку плана по перемещению косметики из ящика на аукцион, я не услышала дверного колокольчика.

– Извините. – Я захлопнула ноутбук. – Чем могу вам помочь?

Брюнетка, приподняв очки на лоб, придвинула ко мне книжку в мягкой обложке. «Питер Пэн» Д. М. Барри.

– Мне надо вернуть ее. Читать невозможно.

Невозможно? «Питер Пэн» – классика, я перечитывала его бесчисленное количество раз. Я взяла книгу в руки. Наверное, это из отдела подержанных. Истертая до бледно-изумрудного цвета обложка была вся в царапинах. На ней был изображен силуэт главного героя в шапочке с пером. Он куда-то летел.

– Давайте я помогу вам найти другую книгу?

Покупательница выудила из сумочки чек:

– Дело не в этом. Моей дочке для курса детской литературы в университете штата нужен «Питер Пэн». На прошлой неделе я обрадовалась, найдя эту книгу со скидкой. Но предыдущий владелец ее испортил, и дочка не может сосредоточиться, читая ее. – Она кивнула на книгу. – Посмотрите сами.

Я открыла книгу и ахнула. Из ста пятидесяти страниц текста многие – очень, очень многие – изобиловали надписями синей и черной ручкой. Целые куски текста были обведены или подчеркнуты. Углы на страницах загнуты. Кто-то сделал множество заметок, поставил восклицательные знаки и даже нарисовал сердечки, и все это между строчками, абзацами и главами. По полям, от верха страницы и до пустого места, предназначенного для сносок, тянулись списки. Написанные от руки длинные комментарии заполнили всю книгу. Ничего подобного я раньше не видела. Пока я листала страницы, взгляд остановился на чем-то вроде своеобразного стихотворения, записанного на свободном клочке страницы после пятой главы.

*Дерзким прыжком прогнал гримасу с губ,
через белозубый забор перемахнув,
путь проторил, спускаясь в горло, вниз.
Проник.
Гордый собой, по жилам он бродил,
Избороздил и кровь, и жизнь мою,
Пока не решил сквозь ребра влезть в тайник.
Трепещущее сердце сжав, к нему
Приник¹².*

¹¹ Здесь и далее данное произведение цитируется в переводе Н. Демуровой.

¹² Здесь и далее все стихотворения приведены в переводе В. Соломахиной.

* * *

Стихотворение зацепило мое сердце, как гвоздь цепляется за свитер. Кто написал его и все остальное? Почему именно в этой книге, которая вообще-то для детей? Я пролистала еще пару страниц. Еще стихи и заметки. Еще и еще.

– Мисс?

– Извините, мэ-м.

Ну, я опять за свое. С головой ушла в печатный текст. Правда, на этот раз все было немного иначе: здесь была новая история внутри одной из величайших сказок всех времен. И мне захотелось прочитать все это.

– Вместо возврата денег предлагаю вам вот что. – Я вышла из-за стойки и направилась в отдел классики, который у Уинстона располагался на рядах старинных полок из красного дерева. Поискав в секции В и отклеив ценник, я протянула покупательнице новый экземпляр «Питера Пэна».

– Вот почему я всегда к вам хожу. Такого уровня обслуживания клиентов от больших интернет-магазинов не дождешься. – Она улыбнулась.

Обслуживание клиентов? Она Уинстона вообще видела? Я улыбнулась в ответ и сказала:

– Приятно слышать! Вот и разобрались. Хорошего вам дня.

Когда она ушла, я взяла подержанного «Питера Пэна» и наклейку со штрихкодом. Я постаралась для покупателя, теперь придется отплатить тем же «Желтому перу». Я пробила новую книгу, внесла свою мизерную скидку сотрудника и достала из кошелька нужную сумму. Я, в отличие от мамы, считала каждый доллар. Но эта книга должна была стать моей, даже если мне пришлось бы отказаться от еженедельного карамельного латте со льдом.

За спиной зашаркали мокасины Уинстона. Пока он раскладывал каталоги на стеллаже, я поскорее кинула «Питера Пэна» в сумку.

– Кажется, был покупатель?

– Она только что вышла.

Я направилась к отделу подержанных книг, в свой любимый уголок. Эта секция в форме буквы «Г» располагалась в глубине магазина, и там было удобно прятаться. Бывшие в употреблении книги покоились на пяти стареньких тележках бирюзового цвета. Здесь, и только здесь, пахло настоящей жизнью. Гостиными и кожаными портфелями. Розовой водой и сигаретным дымом. Ароматическими саше, солнцезащитным кремом из отпуска, типографским клеем, а еще немного шерстью и плесенью. Это было лучше любого аромата из коллекции духов от «Элизы Б.».

– И как, купила что-нибудь? – Поморщившись, босс облокотился о стойку. Будто это я виновата, если не купила.

– Просто посмотрела. – Собственно, это не было ложью. Она смотрела на стойку. На мой ноутбук. На мои скругленные ногти, на которые Марисоль нанесла на днях бледно-розовый лак.

– Хм-м.

Мне была нужна информация. Я положила руку на одну из металлических тележек:

– А вы храните сведения о людях, у которых приобретаете подержанные книги?

Вдруг мне удастся найти таинственного поэта и автора заметок? Может, хоть узнаю, мужчина это или женщина.

Уинстон взглянул так, будто у меня на голове распустились цветы:

– Нет, никогда. Зачем? Ты же знаешь. Я забираю их коробками – плачу сразу за все или открываю кредит в магазине. А уже после назначаю цену на каждую книгу для индивидуальной продажи. – Снова взгляд, будто говорящий «ты же знаешь».

– Но вы хотя бы просматриваете их, прежде чем купить? Чтобы удостовериться, что сможете их продать?

Его бледное лицо сморщилось, и казалось, что усы – жесткие, желтоватые – могут в любой момент засохнуть и отвалиться.

– Да, конечно. А что?

– Да так. Просто интересно.

Не просто, а очень интересно. Моя новая-старая книга не должна была в таком состоянии попасть на полки «Желтого пера».

Звеня ключами, Уинстон направился к выходу.

– Мне надо домой. Можешь распаковать и выставить на витрину новую партию закладок и те литературные побрякушки, что я закупая по твоему требованию. Я оставил все там, в глубине, – добавил он и закрыл дверь, звякнув колокольчиком.

Вот о чем я подумала по пути в хранилище: книги, подобно деньгам, могут путешествовать. Во Флориде человек зашел в мини-маркет и купил шоколадный батончик, заплатив доллар. Следующий покупатель получил тот же доллар на сдачу и, улетев на Гавайи, купил на него фруктовый лед. Деньги постоянно перемещаются. Через сколько рук прошли банкноты, что у меня в кошельке?

С книгами то же самое. Романы из отданной на благотворительность коробки могут оказаться в десяти разных домах. Или осядут потом в библиотеке. Или будут передаваться из рук в руки. Или снова пойдут на благотворительность. Или попадут в независимый книжный магазин вроде «Желтого пера». Это означало, что автор заметок в «Питере Пэне», скорее всего, не из местных. Возможно, ключ к разгадке найдется, когда я прочитаю загадочные каракули. А пока у меня покалывало кожу от одной мысли. Я не должна была увидеть эту книгу. Ее купили, и тем не менее она нашла дорогу обратно. И вернулась не к Уинстону, пока я была дома или в школе. Вернулась ко мне. Я не могла отделаться от ощущения, что ей просто суждено было стать моей.

* * *

Двадцать минут спустя я решила, что либо «Желтому перу» нужен новый дверной колокольчик, либо мне – новые уши. Я вернулась в торговый зал с полными руками нового товара и довольно неуклюже плюхнула его на прилавок, когда вдруг увидела Эшера. Даже успела тихонько ахнуть.

– Прошу прощения, – сказал он. – Я позвал, но мне не ответили. Тогда я огляделся тут и вот что нашел. – Он показал на подержанный экземпляр популярного романа Стивена Кинга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.